

Девушка из JFK

Автор:

[Алекс Тарн](#)

Девушка из JFK

Алекс Тарн

Бетти живет в криминальном районе Большого Тель-Авива. Обстоятельства девушки трагичны и безнадежны: неблагополучная семья, насилие, родительское пренебрежение. Чувствуя собственное бессилие и окружающую ее несправедливость, Бетти может лишь притвориться, что ее нет, что эти ужасы происходят не с ней. Однако, когда жизнь заводит ее в тупик – она встречает Мики, родственную душу с такой же сложной судьбой. На вопрос Бетти о работе, Мики отвечает, что работает Богом, а главная героиня оказывается той, кого он все это время искал, чтобы вершить правосудие над сошедшим с ума миром. Так и начинается эта захватывающая и непростая история.

«Девушка из JFK» не потворствует общепринятым представлениям о «добре» и «зле». Этот захватывающий триллер разрушает штампы и раскрывает человеческую натуру с неожиданной стороны. Есть лишь одна проблема – начав, вы не сможете оторваться!

Алекс Тарн

Девушка из JFK

© Алекс Тарн

©&? ООО «Вимбо», 2022

Я родилась в Холоне, в квартале Джей-Эф-Кей, что в данном случае означает не Джон-Фицджеральд-Кеннеди, чьим именем назван знаменитый аэропорт – врата в вожделенный американский рай, а Джесси-факинг-Каган – врата в преисподнюю, воняющую мочой и грудями гниющих отходов, высящихся рядом с обожравшимися мусорными баками. Мое короткое детство прошло там, куда боятся заезжать такси и городские автобусы. Я училась ходить на улицах, чей асфальт похож на свежевскопаный огород – и это примерно единственная свежесть, которую можно отыскать в квартале Джесси Каган. Приход субботы здесь отмечается бурлением переполненных канализационных люков, парни еще до бар-мицвы состоят на учете в полиции, а девушки скрывают свой адрес от друзей из других районов, поскольку всякий знает, что в Джесси Каган живут только шлюхи и наркоманки.

Моя мать, чьего имени я не назову, потому что эта сучка не достойна даже собачьей клички, оценилась мною, когда ей едва исполнилась шестнадцать, и наверняка оставила бы в роддоме, если бы не ее сестра Мали, своей волей забравшая меня домой – вернее, в то место, которое условно считалось домом. Когда пришло время регистрировать ребенка, не чуждая юмора мамаша назвала меня Батшевой – по той неординарной причине, что понятия не имела, кто из семи – а то и семидесяти семи – возможных кандидатов мог бы претендовать на роль моего отца.

На этом она сочла долг материнства исполненным и бесследно смылась из дома, захватив при этом весь недельный навар, который Йоси, старший из ее братьев, едва успевший стать моим дядей, заработал, продавая героин на углу улицы Зрубавель. Мерзавка не могла не знать, чем это грозит: сумма была значительной, и Йосины боссы слышать не желали о задержке. Тем не менее мой дядя не терял оптимизма и верил, что, учитывая годы безупречной службы, ему удастся договориться.

Однажды вечером ему позвонили и сказали спуститься во двор. На всякий случай Йоси прихватил с собой двух других братьев. Назад они вернулись без него и на вопрос бабушки ответили, что соглашение о рассрочке достигнуто: им вдвоем предстоит отработать задолженность в течение трех месяцев.

– Почему вдвоем? – удивилась бабушка. – Где Йоси?

Йоси к тому времени уже перестал булькать перерезанным горлом в нескольких метрах от нашего подъезда. Полиция так и не нашла его убийц, хотя их имена знали здесь даже кошки: в квартале Джесси Каган не говорят с ментами. Эту печальную историю я слышала много раз еще до того, как могла понять значение составляющих ее слов: ведь сорвать вполне оправданный гнев можно было только на мне – невинной, но единственной представительнице родившей меня подлой шалавы. Сказать, что я росла нелюбимым ребенком, значит не сказать ничего. Бабушка терпеть меня не могла, а дяди упоминали исключительно в третьем лице, словом «эта»: «А где эта?.. Надо бы эту куда-нибудь пристроить... Эта все больше становится похожей на свою сучку-мамашу...» – и так далее.

Более-менее человеческое отношение я видела лишь от тети Мали – той самой, которая нипочем не хотела оставлять меня в роддоме. Понятно, что она желала мне добра. И все же не исключено, что моя судьба сложилась бы куда лучше и спокойней, если бы я еще младенцем досталась какой-нибудь бездетной интеллигентной паре из богатых районов Тель-Авива... Но сейчас-то чего уж плакать по убежавшему молоку... Забавно, что в моем случае это расхожее выражение можно понимать буквально, ведь мое материнское молоко действительно сбегало вместе с мамашей. Так что давайте остановимся на том, что все, что ни случается, – к лучшему. Вершитель судеб – или тот, кто изображает такого – знает, что делает. Положимся на него.

К сожалению, Мали не могла заменить мне мать: ей нужно было думать о собственном будущем, в ближнюю картину которого совсем не вписывался маленький ребенок – даже свой, не говоря уже о сестринском. Из квартала Джесси Каган не так-то легко выбраться подобру-поздорову. Мали выбралась – через армейскую карьеру, оставив меня на попечение скорбящей бабушки и двух дядьев, отрабатывающих долги убитого брата на углах улицы Зрубавель.

Видит Бог, я изо всех сил старалась быть незаметной и не докучать никому, но это плохо получалось. Маленькие дети имеют досадное обыкновение постоянно вырастать из одежды; их надо кормить, причесывать, завязывать шнурки, отправлять в школу, забирать с улицы в неурочное время. По-видимому, я выглядела настолько заброшенной, что на это обратили внимание даже социальные службы квартала, привычные к вопиющему уровню здешнего запустения. Когда они заявили в нашу квартиру, Мали там не было: она

училась на офицерских курсах и почти не отлучалась с армейской базы. В ее отсутствие вопрос о моей судьбе решился моментально.

- Забирайте! - сказала бабушка.

- Наконец-то! - сказали дядья.

В восемь лет меня передали бездетной пожилой паре из поселка недалеко от Ашдода. Они жили в большом двухэтажном коттедже с подвалом, гаражом и ухоженной лужайкой, по краям которой стояли служебные сарайчики и домик-пряник для барбекю. Мой приемный отец владел на рынке фалафельным киоском, и поэтому от него вечно пахло горелым маслом. Сначала меня подташнивало, но потом я перестала чувствовать этот запах - как выяснилось, на время. Вообще же Цвика - так его звали - казался добрым толстяком, улыбчивым, одышливым и сильно потеющим, как и положено толстякам.

Его жена Жаннет, сухопарая тетка с поджатыми от рождения губами, была помешана на чистоте и порядке. Ей повсюду чудились тараканы - как видно, с прежних времен, когда мои приемные родители еще не накопили на дом и жили в хибаре за киоском. Когда сейчас при мне говорят что-нибудь типа: «У каждого свои тараканы», я непременно вспоминаю ее, с баллончиком ядовитого аэрозоля в руке скользящую по периметру комнат в поиске воображаемых членистоногих врагов. Даже сидя перед телевизором, она постоянно зыркала в сторону плинтуса и время от времени вскакивала с криком:

- Смотри, смотри!

- Оставь, Джаннет, - благодушно откликнулся Цвика.

Он звал ее именно так, с добавлением твердого «д» в начале. Наверно, в устах какого-нибудь Дюма это звучало бы на аристократический манер: д'Жаннет, подруга д'Артаньяна, но Цвика всего лишь продавал фалафели на ашдодском рынке.

- Оставь, Джаннет, нет там ничего.

- Ну как же, вон он побежал...

Жаннет хватала баллончик и принималась обильно пшикать аэрозолем под диван, отчего в гостиной становилось трудно дышать. Помимо охоты на тараканов, собирания марок игры-лотереи «Супермаркет» и занятий домашним хозяйством, она изготавливала кукол – для украшения и на продажу в дома, где в принципе не бывает насекомых. Мне запрещалось даже притрагиваться к этим произведениям искусства – не то что играть. Впрочем, мне и не хотелось. Детских игрушек у меня не было никогда, и я научилась играть в одну-единственную игру: представляла, что меня нет. Что меня нет, и люди ходят вокруг, не замечая моего присутствия, которого нет. Кому придет в голову кричать на девочку, которой нет? Можно ли привязать такую девочку к кровати или к стулу, как это делали, уходя из дома, мои дядья? Вряд ли – ведь ее нет. А если ее все-таки привязали, то можно представить, что привязана вовсе не я, потому что меня нет.

Через две среды на третью к Жаннет приходили заказчицы. Она выставляла свое творение, и женщины принимались увлеченно обсуждать покроев кукольного передника, снимать и надевать предметы кукольной одежды, расчесывать кукле волосы и совершать прочие подобные действия, более присущие девочкам дошкольного возраста. В такие моменты я обычно сидела в уголке, представляя, что меня нет. Со стороны это, наверно, выглядело странно: маленькая девочка смотрит, как пожилые солидные тети играют в куклы.

Думаю, что и меня Жаннет воспринимала как еще одну куклу, предназначенную разнообразить вид салона. Этим и объяснялось то пристальное внимание, с которым она относилась к моей внешности: я всегда была хорошо причесана и одета с иголки.

– Ну просто куколка! – восхитилась тетя Мали, приехавшая вскоре после моего удочерения, чтобы проверить, все ли в порядке.

Ха! Сама мысль о том, что у помешанной на порядке д'Жаннет может быть не в порядке хоть какая-то мелочь, до смерти насмешила бы любого таракана. На взгляд постороннего наблюдателя, «куколка» Батшева располагала не только собственной спальней, оформленной, само собой, в подчеркнута кукольном стиле, но и комнатой для игр, где на идеально параллельных полках восседали расставленные строго по росту плюшевые мишки, а в углу сиял чистотой дорогой кукольный дом, похожий на уменьшенную копию хозяйского коттеджа.

Разумеется, я не касалась этого воплощенного совершенства даже мизинцем – из опасения ненароком сломать или просто сдвинуть с места какой-нибудь игрушечный столик. Но как раз этого вышеупомянутый наблюдатель мог и не заметить; в общем и целом, выходило, что малолетняя уроженка квартала Джесси Каган вознеслась из преисподней адского прошлого на поистине райские высоты светлого будущего. Жаловаться в такой ситуации было бы крайней неблагодарностью, но я не жаловалась еще и по другой причине: не делала этого никогда, сколько себя помню. Видимо, мне довольно быстро, еще в младенческом возрасте, стало ясно, что жаловаться просто некому.

В итоге тетя Мали завершила свою инспекторскую поездку самыми благоприятными выводами. Это расстроило меня: одно дело «посторонние наблюдатели» и совсем другое – единственный человек, который когда-либо отнесся к тебе по-человечески. Я полагала, что уж она-то могла бы быть чуть более внимательной. Возможно, ей просто очень хотелось заключить, что со мной все хорошо. Хотелось сбросить с шеи лишнюю заботу. В то время Мали уже тащила на себе собственную семью: мужа – самоуверенного старшину-сверхсрочника, который изменял ей направо и налево, двух детей-погодков, удушающую ипотеку и надежную, но дурно оплачиваемую службу в одном из мелких муниципальных советов. Если честно, ей было не до меня...

Спустя неделю после визита тети Мали мой приемный папа Цвика сказал, что хочет мне кое-что объяснить. Местом для объяснения он выбрал подвал – не знаю почему: в доме и так никого не было, потому что Жаннет уехала за покупками. Возможно, боялся, что кто-то увидит через окно, или просто оттого, что мерзость не любит дневного света.

– Тебе нравятся мальчишки? – спросил он, усевшись на табурет и взяв мои ладони в свои.

Я пожала плечами. Что можно ответить на такой глупый вопрос? В ту минуту меня больше интересовал странный вид толстяка: он тяжело дышал, потел больше обычного и постоянно сглатывал слюну, а глаза смотрели растерянно и с каким-то испугом.

– Ты должна кое-что знать, – продолжил Цвика. – Я объясню тебе про мальчишек. Чего они хотят от девочек. Чего девочкам нельзя с ними делать. Потому что иначе ты не поймешь...

Он переложил обе мои ладошки в свою левую руку, а правой расстегнул штаны и предъявил их содержимое. Из рта у него стекла струйка слюны – забыл сглотнуть.

– Вот что есть у мальчишек, – сказал толстяк. – Не бойся, потрогай. Ну... давай...

Мне было всего восемь, но я росла на улицах квартала Джесси Каган, и меня далеко не каждый день привязывали к кровати или к ножке стола. Я точно знала, что именно находится у мальчишек в штанах и что с этим делают сами мальчишки – как подростки-малолетки, так и взрослые парни. Думаю, я уже тогда была осведомлена о главных деталях процесса ничуть не меньше своего приемного папаши. Когда ты живешь в двухкомнатной живопырке с двумя дядьями-наркодилерами, которые то и дело приводят туда своих обдолбанных подружек, трудно остаться в неведении относительно подобных вещей.

– Не хочу! – крикнула я и попыталась вырваться. – Пусти!

Но проклятый боров не выпускал меня из рук.

– Потрогай... потрогай... потрогай!

Постепенно его интонация сменилась с просительной на требовательную. Теперь он уже кричал.

– Не хочешь?! А знаешь, чем это обычно кончается?! Знаешь?! Я тебе покажу!

И показал.

Мне шел девятый год. Он крепко держал меня, но я и так не могла шевельнуться от боли и отвращения. Именно тогда я поняла, что вовсе не привыкла к вони горелого масла – она хлынула в мои ноздри, как канализационная жижа, – так, что я едва не задохнулась от нехватки воздуха. Жирное животное сопело, дергалось и стонало надо мной, и мне не оставалось ничего, кроме как прибегнуть к своей проверенной, надежной игре: представить, что меня нет. Это делают не со мной, потому что меня нет. Меня нет. Меня нет...

Кончив, он подобрал слюны, отнес меня, которой нет, в ванную и вымыл.

– Если кому-нибудь проговоришься, тебе не поздоровится... – сказал он, помолчал и добавил: – И твоей тете Мали тоже. Вам обеим не поздоровится. Поняла?..

Это продолжалось без малого пять лет. Пять лет тошнотворной вони горелого масла и хумусных бобов. Пять лет слюнявой пасти над моим лицом. Пять лет отвратительной жирно-студенистой массы на моем теле. Сначала я пробовала прятаться, когда Жаннет уходила, но это лишь ухудшило положение: хряк стал заявляться ко мне по ночам. Потом я стала заворачиваться в простыню наподобие египетской мумии. Это тоже не помогало – беззвучная борьба лишь еще больше распалая насильника. Обычно я угадывала его грядущий приход по сальному, липкому, как столы его поганого киоска, взгляду, который он приклеивал ко мне накануне вечером. В такие ночи я не могла заснуть: мне казалось особенно ужасным, если приемный папаша начнет насиловать меня спящую, когда я еще не ввела себя в состояние «меня нет».

Но мне было не до сна и после того, как, отхрюкав свое потное наслаждение, он сползал с кровати и трусил назад в супружескую спальню. Я вставала и, держа враскоряку руки и ноги, как человек, вылезший из выгребной ямы, ковыляла под душ и стояла там, пока не подкашивались коленки. Потом я полностью перестилала постель и возвращалась в нее, когда за окном уже начинало светать. Высыпаться приходилось в другие, спокойные ночи, когда по отсутствию клейкого взора своего мучителя я понимала, что на этот раз мерзость отменяется.

Однажды он вернулся с рынка разбитым и сильно расстроенным. Из его разговора с д'Жаннет стало ясно, что день получился крайне неудачным: на жирного Цвику наехали – то ли полиция, то ли рэкетиры.

– Ног под собой не чую, Джаннет... – жаловался он, вонючей амебой растекшись по креслу в гостиной.

– Иди приляг, зайчик, – мелодично откликнулась жена.

Судя по тому, как, едва переставляя ноги, «зайчик» поднимался по лестнице, мне предстояла совершенно безопасная ночь. Наверно, поэтому сна не было ни в одном глазу. В какой-то момент мой взгляд упал на календарь, и я вспомнила: пятое ноября – это ведь мой день рождения. Мой тринадцатый день рождения. В

квартале Джесси Каган эти дни не отмечались никак, потому что какой же дурак станет отмечать годовщину появления обузы – или, как говорили дядья, «этой». А здесь, в кукольно-фалафельном коттедже, мне становилось дурно от связанной с днем рождения необходимости принимать знаки внимания «приемного отца». Он был одинаково омерзителен и когда трепал меня по щечке, и когда засовывал в меня свою штуку. Когда я сказала Жаннет, что не желаю приглашать подруг, получать подарки и вообще каким-либо образом отличать этот день от других, она удивилась, но не стала настаивать.

Я и сама не очень-то помнила – спохватывалась двумя-тремя днями позже и тут же мысленно отмахивалась: еще один год прошел, ну и фиг с ним, впереди такой же... Не знаю, почему именно тот вечер – вечер тринадцатилетия – вдруг показался мне не то чтобы важным, но каким-то особенным.

«Тринадцать, – думала я, глядя на квадратик календаря. – Тринадцать – это уже не девочка. Моей суке-мамаше было всего на два года старше, когда она забеременела мною. Еще немного, и я свалю от поганого фалафельщика и его воблы. Уйду и даже не оглянусь. Тринадцать...»

Скажем так: мне впервые в жизни нравился мой день рождения. Я заснула с улыбкой. Я проснулась от вони горелого масла и капель слюны на лице. Надо мной нависал задыхающийся от вожделения толстяк. Стоя на четвереньках, он поворачивал меня на спину. Как же так?! Засыпая, я была настолько уверена в своей безопасности, что даже не потрудилась завернуться в простыню! Он ведь не мог прийти! Я уперлась руками в жирную подушку его груди и закричала:

– Не-е-ет!

– Тихо! – брызнув слюной, прошипел он и зажал мне рот пухлой короткопалой ладонью, которая больше напоминала отвратительную жабу.

«Это ведь мой день рождения! – мелькнуло в моей голове. – В мой день рождения меня изнасилует вонючий боров, а я не смогу даже пискнуть из-за склизкой жабы на своих губах!»

У меня не было времени на подготовку. Я просто не успевала представить, что «меня нет». А может, не хотела больше представлять ничего такого. Я есть! В конце концов, это подтверждалось фактом моего дня рождения – дня моего

настоящего рождения. Да-да, в отличие от других людей, я родилась в тринадцать лет. Я есть! И я, которая есть, что есть силы вмазала ногой по болтающимся над моим животом фалафелям. Фалафельщик как раз заносил колено, намереваясь раздвигать им мои бедра, так что удар пришелся прямо по центру ворот. Он ахнул, хватанул ртом воздух и, выдавив из себя неожиданно тоненькое «а-а-а...», плюхнулся рядом с кроватью.

Грохот получился немалый – по дороге к полу толстяк сокрушил еще и стул, выкрашенный, как и всё в моей комнате, в кукольный розовый цвет. Подобрал простыню и запахнув растерзанную пижаму, я прижалась спиной к стене и ждала, что будет дальше. Я твердо намеревалась сражаться. Я не надеялась на победу, потому что уже тогда знала, что надежда – плохой союзник. Выходя на бой, готовясь к самому худшему. Но распростертая на полу туша не шевелилась. В свете настольной лампы – обычно он зажигал свет, чтобы наслаждаться еще и зрелищем... – в свете настольной лампы я видела, как пузырится слюна на его мокрых подрагивающих губах. Глаза были широко раскрыты и смотрели в мою сторону, но не на меня, а куда-то сквозь – так что мне даже захотелось обернуться, чтобы проверить, нет ли там еще одного чудовища.

Я ждала, что он вот-вот перевернется на четвереньки, потом, задыхаясь, поднимется на ноги и вновь нависнет надо мной своей сто пятидесятикилограммовой тушей. Но вышло иначе: на шум прибежала проснувшаяся кукольная аристократка д'Жаннет. Конечно, она прекрасно знала, что муж пристрастился играть с одной из ее кукол. Просто ему, как кормильцу и хозяину дома, позволялись такие чудачества – тем более что других кукол он не касался вовсе...

Встав в дверях, Жаннет окинула взглядом картину и бросилась к мужу. Минуту-другую она, причитая, ползала вокруг него, как муравей вокруг дохлой мухи: заглядывала в глаза, щупала пульс, искала на шее артерию и даже пыталась делать искусственное дыхание. Затем повернулась ко мне. Ее рыбьи глаза сверкали от ненависти. Это был первый и последний раз, когда эта сушеная вобла проявляла какие-либо чувства – не только ко мне, но и при мне, вообще.

– Ты! – провизжала она. – Ты! Развратная тварь! Что ты с ним сделала, проשמандовка?! Ты убила его! Убийца! Убийца!..

Из чего я заключила, что муха, возможно, и в самом деле сдохла, хотя следует подождать с окончательными выводами. По опыту квартала Джесси Каган,

далеко не всегда то, что выглядит трупом, оказывается таковым впоследствии. В больнице латают даже множественные ножевые ранения, а уж удар по фалафелям – тем более. Приехала «скорая», и, хотя Жаннет успела натянуть на своего борова штаны, бывалому парамедику хватило одного взгляда, чтобы проникнуть в суть сюжета. Говоря с Жаннет, он то и дело косился на меня. Невзирая на крики сушеной воблы, которая требовала, чтобы я оделась и убралась вон из комнаты, я продолжала сидеть на кровати, прижавшись спиной к стене и грудью – к простынке, моей единственной защите со стороны фронта.

– Похоже на обширный инфаркт, – сказал парамедик. – Остановка сердца. Мы отвезем его в реанимацию, но вам следует подготовиться к самому худшему.

Жаннет взвыла.

– Девочку мы тоже заберем, – дождавшись паузы в вое, продолжил парамедик. – У нее явные признаки шока. Думаю, помимо полиции, придется подключить социальные службы. Это ведь ваша дочь?

– Дочь?! – с ненавистью повторила Жаннет, заливаясь слезами. – Какая она мне дочь?! Развратная тварь! Убийца! Это она его убила! Она! Так и запишите!..

– Запишем, обязательно запишем...

Парамедик подошел и слегка потряс меня за плечо.

– Поедешь с нами, дочка. Было бы хорошо, если бы ты оделась. Ты меня слышишь?

Я взглянула на него и хотела сказать: «Слышу», но не смогла. Это очень странное ощущение, когда у тебя вдруг перестает ворочаться язык. Да что там язык – даже рот. Рот попросту отказывается открываться для слов. Открывается для дыхания, для еды, для плевка – но только не для слов. Удивительная вещь.

Парамедик удовлетворенно кивнул: похоже, моя реакция – вернее, отсутствие таковой – блестяще подтвердила его первоначальный диагноз. Нам пришлось ждать приезда второй «скорой», потому что вынести и погрузить тушу фалафельщика силами одной не представлялось возможным. Перед тем как

сесть в машину, Жаннет сказала, что должна запереть дом, и предложила всем выметаться, включая меня.

– Не позволите ей хотя бы одеться? – без особой надежды в голосе спросил парамедик.

– В тюрьме оденут! – огрызнулась вобла. – Вон! Все вон!

Больше я ее не видела. Фалафельщик Цвика и в самом деле отдал концы. В больнице меня сдали с рук на руки тетушке из социальной службы, которая долго, участливо и абсолютно безуспешно пыталась добиться от меня хотя бы звука. Затем к ней подключилась симпатичная девушка в полицейской форме – с тем же результатом. В квартале Джесси Каган не говорят с ментами, но мое упорное молчание было совсем иной природы. Я ведь и сама не могла добиться от себя ни звука.

Наверно, это и называется шоком. Как-никак, я убила человека. Не борова, не хряка, не животное, не чудовище – человека, хотя он и поступал со мной в точности как мерзкий чудовищный хряк. Да, в графе «причина смерти» записали «обширный инфаркт», или «ишемическая болезнь сердца», или еще какую-нибудь мудреную медицинскую фразу, но это ничуть не меняло того факта, что, не пни я его по фалафелям, он еще жил бы и жил. Получалось, что я – убийца. Пусть невольная, пусть в пределах самообороны, но – убийца. Я, Батшева Зоар, начавшая жить лишь в тринадцать лет, не нашла ничего лучшего, чем отметить начало своей жизни убийством. Наверно, это и в самом деле заслуживает шока.

Способность говорить вернулась ко мне примерно полгода спустя в приюте для малолетних жертв домашнего насилия. Обязанности заведующей, воспитательницы, няни и утешительницы исполняла там одна-единственная женщина с сильным американским акцентом и символическим для меня именем Джессика. Во время нашей первой встречи, не получив ответа ни на один из заданных вопросов, она понимающе кивнула.

– Молчишь? Ну, молчи, не страшно. Тут многие начинают с молчания... – она указала на высящиеся вдоль стен стеллажи. – Попробуй общаться с ними. Книжки – самые разговорчивые друзья в мире, и главное, никого не обижают.

Я попробовала, и мне понравилось. Собственно, особого выбора там не было: Джессика принципиально обходилась без телевизоров и прочих мерцающих поверхностей, включая компьютерные мониторы и экранчики смартфонов. За два с небольшим приютских года я проглотила почти всю тамошнюю библиотеку. Книжки мало-помалу вернули меня и к речи, и к жизни.

Шломин, одна из моих ровесниц, попала в приют из Нетании – так она сказала, когда мы знакомились. Шломин Царфати из Нетании и Батшева Зоар из-под Ашдода. Потом, когда мы подружились по-настоящему, выяснилось, что она из квартала Джесси Каган. Узнав об этом, я расхохоталась.

– Чего ржешь? – обиделась Шломин. – Не все, кто из Джесси-факинг-Каган, шлюхи...

– ...и наркоманки, – дополнила я сквозь смех. – Взять хоть меня. Ну что вылупилась? Я тоже из Джей-Эф-Кей, будь он здоров...

Так мы нашли друг дружку, две джей-эф-кейки – в приюте для малолетних жертв насилия, где же еще. Шломин была старше меня на два месяца. Когда ей исполнилось пятнадцать, мы поехали на вечеринку в честь ее дня рождения. Праздновали в большой квартире ее старшего брата, в том же квартале Джесси Каган. Брата звали Мени. Под конец вечера он взял меня под локоток и сказал, что хочет кое-с-кем познакомить. Тут бы мне вспомнить фалафельщика, но я была уже порядком обкурена и пошла. Мени завел меня в спальню и без лишних разговоров толкнул на кровать.

– Ты что?

– А то тебе непонятно, – сказал он, деловито залезая мне под юбку. – Лежи спокойно, а то придушу.

– Я не хочу! – сообщила я.

Мени засмеялся.

– Все телки хотят. Просто не все они об этом знают. Кроме того, ты мне нравишься. Я не шучу.

И я подумала: «Почему бы и нет? Он все равно сильнее и уже стягивает с меня трусы. Парень симпатичный, хотя, говорят, бандит. Ну и что? Мои дядья тоже дилеры. Это ведь Джесси-факинг-Каган...»

В общем, несмотря на то что я не стала кричать и сопротивляться, такие вещи называются изнасилованием. В приюте нас учили сразу заявлять о подобном в полицию. Но, во-первых, в Джесси Каган не говорят с ментами, а, во-вторых, Мени действительно не шутил – и про «придушу», и про «нравишься». Мы стали встречаться, а через три месяца я и вовсе переехала к нему жить.

Квартал Джесси Каган – не какая-то там река, в которую нельзя войти дважды. Круг замкнулся, когда я обнаружила, что беременна. Моя сучка-мамаша родила меня в шестнадцать лет, а теперь вот и я шла тем же фарватером. И хотя, в отличие от сучки, я точно знала, кто меня обрюхатил, это было слабым утешением. Отец из Мени получился, мягко говоря, хреновый. К моменту нашей встречи он отсидел уже два коротких срока. В Джей-Эф-Кей большинство парней разгуливают с ножичками, но далеко не все вытаскивают их, чтобы пустить в ход. Мени славился в этом отношении особенной безбашенностью. Он предпочитал работать опасной бритвой и сразу предупредил, чтобы я не вздумала выпендриваться:

– На первый раз порежу морду, на второй – глотку, так что третьего не будет.

И, судя по тому, что я о нем слышала, Мени Царфати не разбрасывался пустыми угрозами. Он заправлял бригадой, которая охраняла территорию квартала от вторжения конкурентов: арабских кузенов из Яффо и братьев-евреев из Бат-Яма. Поговаривали, что именно Мени зарезал своего отца, Царфати-старшего, – того самого, из-за которого оказалась в приюте моя подружка Шломин. Он сидел на кокаине, но старался не злоупотреблять, чтобы не разочаровывать боссов. Поэтому наша совместная жизнь металась, как шарик в компьютерной игре, от ломки к обдолбанности и обратно.

Думаю, я бы тоже подседа, если бы не малыш. Я сохранила его – сначала в животе, а потом на руках – только из-за смертельной обиды на свою собственную мать, только потому что не хотела походить на нее, повторять ее подлость. Мени потребовал назвать малыша Ариэлем, Ариком – в честь своего покойного отца.

– Того, которого ты зарыл под дюной? – саркастически поинтересовалась я, хотя в принципе не возражала против имени.

У этого бандита хотя бы был отец – в отличие от меня, моей матери и, видимо, моей бабки. А уж зарезал он этого отца или нет – дело десятое... Я имела в виду только это, не более того, но Мени ответил мне взглядом, от которого душа уходила в пятки у самых отвязных отморожков.

– Вот что, Батшева, – сказал он с расстановкой. – Во-первых, Тора приказывает чтить своего родителя, даже если его пришлось положить под дюну за то, что трахал свою малолетнюю дочь. Во-вторых, ты знаешь обо мне слишком много. Слышала ли ты, что случается с теми, кто знает обо мне слишком много?

– О чем ты, мамми? – я постаралась усмехнуться как можно беспечнее. – Разве я тебе не жена и не мать твоего сына? Разве я не родилась в квартале Джесси Каган?

Разговор происходил в преддверии ломки, когда Менахем Царфати был склонен подозревать всех и вся. Некоторое время спустя его арестовали. Следствие вели с широким охватом, давили на свидетелей, изобретали всевозможные ментовские трюки, сулили золотые горы потенциальным доносчикам и вроде бы даже нашли кого-то. Мени ушел в полную несознанку, молчал, как рыба, и эта стратегия оправдалась. Единственный дурачок, согласившийся свидетельствовать, не дожил до суда. Бедняга прятался в Мексике, но его достали и там. В итоге прокурорам пришлось ограничиться мелочевкой: Мени сел на три года, хотя мог бы получить с полдюжины пожизненных.

Когда наконец разрешили свидания, я поспешила к нему. Он уделил мне полминуты: ровно столько, чтобы сказать, что лично займется мною по выходу из тюрьмы. Не знаю почему, но Мени был уверен, что это я сдала его ментам. За время следствия его паранойя выросла десятикратно.

– Я мог бы поручить другим, – сказал он, прожигая меня «тем самым» взглядом, – но такие вещи мужчина должен делать своими руками. Жди, сучка.

– Мени, – пролепетала я, обмирая от ужаса, – ты ошибаешься, Мени. Я ни в чем...

Но он уже отвернулся от меня к тюремщику, сигнализируя, что хочет вернуться в камеру. Следующие два года я провела в напряженной подготовке к предстоящему возвращению отца моего ребенка. Денег катастрофически не хватало. Мне платили пособие, кое-что подкидывала тетя Мали, время от времени подворачивалась подработка в приюте; остальное приходилось добывать уборкой чужих квартир и мытьем лестниц в подъездах добропорядочных кварталов. Жила я по-прежнему в Мениной квартире, но заранее присмотрела себе убежище в одном из ветхих домов Южного Тель-Авива, где ютились лишь суданские нелегалы и те, кому совсем некуда податься.

На что я надеялась? Наивно ожидать, что получится надолго спрятаться от того, кто с легкостью нашел сбежавшего штинкера в Мексике, за горами и морями. Но я и не планировала скрываться слишком долго. Мне хотелось продержаться хотя бы три-четыре недели, пока Царфати не подobreет на свободе, набив нос кокаином и отойдя от застарелой тюремной злобы. Тогда, возможно, у меня появится шанс уговорить его не вынимать из кармана смертоносную бритву.

И вот, в один прекрасный октябрьский вечер, забрав Арика из детского сада, я вернулась домой аккуратно к телефонному звонку. На другом конце провода был смутно знакомый мужской голос.

– Госпожа Батшева Царфати?

– Да.

– Добрый вечер. Это из полиции. Старший инспектор Шкеди.

Ну да, Шкеди, вспомнила я. Он допрашивал меня два года назад.

– Что вам от меня надо?

Он вздохнул.

– Вообще-то вы могли бы и повежливей. Я ведь со всей душой...

– Вы со всей душой посадили моего мужа, оставив меня одну с ребенком! – зло выпалила я. – Говорите, что надо, или я отключаюсь.

– О! – подхватил инспектор. – Я ведь звоню именно в связи с ним. Не с ребенком – с мужем. Мени Царфати выходит через неделю. Если, конечно, вы не опротестуете решение комиссии...

Пол поплыл у меня под ногами. Через неделю... всего через неделю...

– Алло! – проговорил Шкеди. – Вы еще со мной или уже в обмороке? Пожалуйста, примите мой совет, госпожа Батшева. На вашем месте я бы опротестовал...

Я повесила трубку, не дожидаясь конца фразы. Идиот! О каком протесте он говорит? Протест, может, и задержит выход Мени на полгода или год, но уже точно лишит меня последнего шанса уцелеть. Я уложила Арика спать и долго сидела на кухне, свесив голову и опустив руки. Беда, сколько к ней ни готовься, всегда приходит внезапно. На следующее утро мы с малышом переехали в убежище, где намеревались прятаться от нашего любящего папочки. Эта девятиметровая комнатуха с отдельным входом была выгорожена хозяевами из поделенной на трое малогабаритной квартиры. В двух других частях проживало то ли двадцать, то ли сто двадцать суданцев и эритрейцев.

Две недели спустя мне уже хотелось, чтобы Мени нашел нас поскорее. Заплесневелые стены нашего жилища сквозили щелями, почерневший потолок грозил обрушиться, по ночам дуло, а нелегалы за перегородкой непрерывно выясняли отношения на неизвестном мне языке. Я выходила только за продуктами, а Арика и вовсе не выпускала. Но как долго можно продержаться без движения непоседливого четырехлетку? В какой-то момент мне стало настолько тоскливо, что я, нарушив все правила безопасности, позвонила тете Мали.

– Батшевуш! – радостно закричала она. – Куда ты пропала, тебя весь мир ищет! Почему твой мобильник отключен? И что это за номер?

– Я звоню из автомата.

– Еще есть автоматы? – удивилась тетя Мали. – Слушай, девочка, ты должна меня навестить. Это срочно. Завтра вечером. Приезжай вместе с Ариком.

– Я не могу, тетя Мали...

Мали вздохнула и вдруг, отбросив радостный тон, переключилась на режим жалобы:

– Девочка, ты должна. Я очень больна...

– Что случилось? – испугалась я.

– Я очень больна, – повторила она. – Завтра у нас последняя возможность увидеться, потому что на следующее утро меня увозят.

– Увозят? Куда?

– В другую больницу, на операцию. Приезжай завтра, вечером. И дай три длинных звонка, потому что мы не всех впускаем. Знаешь ли, такая болезнь...

Она вздохнула еще безнадежней.

– Да что за болезнь, тетя Мали?

– Вот приезжай, сама и увидишь! – решительно оборвала тетка. – Пока!..

Я вернулась к малышу, проклиная себя за то, что вообще подошла к телефонному автомату. Вот уж поистине: стоит всего на полшага отойти от хорошо продуманного плана – и тебя тут же утягивает в опасную неизвестность. Болезнь? Какая такая болезнь? Уж не специально ли она придумала эту историю, чтобы заманить меня к себе? Но зачем? Мали мне не враг – напротив, единственный близкий человек, одна на всем белом свете. Если она настаивает, да еще и по такой причине, могу ли я отказать?

Поселок, где жила тетя Мали, находился недалеко от Нетании, в стороне от мест обитания Мени Царфати и его бандитов, так что при определенном везении поездка туда могла сойти мне с рук. Но вполне могла и не сойти: если Мени ищет меня всерьез, то за домом тетки наверняка наблюдают... Конечно, разумнее всего было бы оставаться в убежище, но тоска одолела меня настолько, что я решила: будь что будет. Найдет так найдет. Убьет так убьет.

Сидеть взаперти еще хуже. Арик, узнав, что мы едем к тете Мали, запрыгал от радости: он любил играть с ее младшим сыном, своим сверстником. Вид счастливого малыша окончательно развеял мои сомнения.

На всякий случай я составила маршрут в обход Центрального автовокзала. Лишняя пересадка удлинила дорогу и утомила мальчика; когда мы подходили к Малиному дому, Арик уже канючил не на шутку. Я позвонила трижды, как просила хозяйка. Ждать пришлось дольше обычного; затем послышался слабый голос:

– Кто там?

– Это мы, тетя Мали. Батшева с Ариком.

– Минутку, Батшевуш...

«Минутка» длилась так долго, что я начала сердиться. Стою тут, как дура, с капризничавшим малышом на руках... Наконец щелкнул замок, и дверь приоткрылась; в щели виднелось скорбное лицо моей облаченной в халат тети Мали. Господи, да она и в самом деле больна!.. Я вошла в темную гостиную, опустила Арика на пол и с превеликим облегчением распрямила затекшую спину. И тут вспыхнул свет – так неожиданно, что Арик вскрикнул и прижался к моей ноге. И сразу же нас оглушил хор дюжины голосов:

– С днем рождения!

Я попятилась к двери и наткнулась на Мали; пока мы топтались у входа, она сбросила домашний халат, под которым оказалось праздничное платье. Моя красивая тетя улыбалась во весь ярко накрашенный рот и ничуть не походила на серьезно больную.

– С днем рождения, Батшевуш!.. Рои, где ты? Рои! Смотри, кто к тебе пришел! Это ведь Арик!

Рои, ее младший сын, уже бежал к нам, не дожидаясь повторного приглашения. Лишь в этот момент до меня дошло: сегодня пятое ноября, мой день рождения. Двадцать лет. Мне двадцать лет. Слезы хлынули, прежде чем я успела нажать

на тормоза. Оставалось лишь закрыть лицо руками и заставить себя всхлипывать не слишком громко. Мали, обняв за плечи и бормоча что-то успокоительное, отвела меня в ванную. Вот уж сюрприз так сюрприз...

Приведя в порядок мою распухшую от слез физиономию, мы вернулись к гостям, и я смогла в полной мере оценить предусмотрительность тети. Среди приглашенных не было никого, кто мог бы выдать меня – намеренно или случайно: ни бабушки, ни дядьев, ни тем более Мениных родственников, включая Шломин. Квартал Джесси Каган остался на этом празднике без представителей. Что, конечно, имело и обратную сторону: я знала здесь только Мали и ее семью. Остальной кворум моя заботливая тетя набрала с бору по сосенке из соседей, а также из друзей и сослуживцев мужа.

Среди последних выделялся невысокого роста крепыш по имени Мики Шварц – не столько своей непримечательной внешностью, сколько дорогим костюмом и галстуком, что выглядело необычно для наших мест, где даже на свадьбы и официальные приемы норовят прийти в мятых джинсах и футболке с растянутым воротом. Знакомя нас, Мали сказала, что он вместе с ее благоверным отслужил срочную в бригаде «Голани».

– «Голани»? – удивилась я.

Мики поднял брови. На вид ему было лет сорок; короткая стрижка, квадратное лицо, круглые живые глаза и узкогубый щелеобразный рот, делающий его обладателя похожим на говорящего робота из мультфильма.

– Что в этом странного?

Я пожала плечами:

– Всякий знает, что голанчики те еще охламоны. Какая репутация, такая и одежда. А вы одеты, как будто вчера прилетели из Бостона...

– Одно другому не мешает, – рассмеялся Мики. – И кстати, я действительно здесь прямиком из аэропорта. Зэвик позвонил как раз, когда я проходил паспортный контроль. Приезжай, говорит, на вечеринку. Надо порадовать день-рожденным сюрпризом одну невероятную красавицу. А я страсть как люблю радовать людей, особенно женщин, и особенно таких красивых...

Мы разговорились, болтали о пустяках. Я налегала на вино; пилося хорошо, вкусно и весело. Мики много смеялся, шутил, я ему явно нравилась. Из собравшихся в гостиной незнакомцев, гостей моего двадцатилетия, мне было легче всего именно с ним. В его располагающем с первого взгляда облике чувствовалось что-то уютное, домашнее – по-видимому, от доброжелательного тепла круглых, немного наивных глаз – и одновременно что-то очень надежное, солидное, основательное – уж не от костюма ли и галстука? Я успела позабыть, когда в последний раз кокетничала с мужчиной... – да и кокетничала ли когда-нибудь? Вряд ли в квартале Джей-Эф-Кей существовал безумец, который бы осмелился подбивать клинья к подруге Мени Царфати...

– Что вы делали в Бостоне?

В круглых глазах мелькнула тень – мелькнула и тут же исчезла, растворившись в тепле карего взгляда.

– Почему ты решила, что я был в Бостоне?

– Костюм... галстук... – напомнила я.

– Ах да, – улыбнулся Мики. – Нет, я прилетел из Эл-Эй. Бизнес, Батшева. Я бизнесмен, отсюда и костюм. В Америке с этим строго.

– Бизнес? И чем же ты занимаешься? Биржа? Алмазы? Автоматы Калашникова?..

Рядом с ним и после нескольких бокалов я в самом деле расслабилась и почти забыла о своих безвыходных бедах. Мне хотелось поддевать его шутками и хохотать над ответными добродушными уколами. Он был своим в доску парнем, этот вдвое старший меня мужчина. Вдвое, втрое – какая на фиг разница? Со мной никогда не флиртовали ровесники. Со мной вообще никто никогда не флиртовал. Моему первому насильнику было под шестьдесят, второму – за тридцать.

– Если ты услышишь, кто я, то не поверишь, – с внезапной серьезностью отвечал Мики. – Люди обычно не верят, и это можно понять.

– А ты попробуй, – поддразнила его я. – Погоди, один момент... вот хлебну для храбрости...

Я сделала большой глоток и воззрилась на своего собеседника.

– Давай говори, я готова!

– Я работаю Богом, – сказал он и замолчал, выжидательно глядя в мои уже изрядно залитые вином глаза.

Я прыснула. Парень определенно умел пошутить. Не помню, чтобы мне было так интересно и забавно с кем-нибудь еще.

– Хорошо, что не чертом!

Мики помотал головой:

– Черта не существует, Батшева, заруби это себе на носу. Есть только Бог... Ну, что ты смеешься, глупышка? Я ж предупреждал: не поверишь.

– Ладно, – отмахнулась я. – Не хочешь – не говори. Хотя вряд ли я могу помешать тебе конкуренцией, чем бы ты там ни занимался. Мне в ближайшее время светит только один бизнес: продовольственный. Вот-вот начну кормить червей...

Эта – моя собственная – шутка показалась мне особенно смешной. Я давно заметила, что самые забавные остроты, как правило, недалеко от реальности. Остроты, острые, как бритва Мени Царфати.

– Извини, что лезу не в свое дело, но, по-моему, твой последний стакан был лишним, – сказал Мики. – Кстати, гости уже разошлись, только мы с тобой и остались. Если хочешь, я отвезу тебя домой.

С некоторым трудом установив голову в нужное положение, я обзрела окрестности. В гостиной и впрямь наблюдалась образцовая тишь да гладь. Мали и ее подружки успели даже убрать со стола... хотя долго ли убирать одноразовую посуду...

– Одноразовая посуда, Мики, замечательно удобная вещь, – доверительно сообщила я. – Берешь одноразовую скатерть за четыре угла и – р-р-раз! – стол чист! Хотела бы я, чтобы так же сделали и с моей поганой жизнью. Вот ты Бог, ты, наверно, можешь, а? Возьми мою поганую жизнь за четыре угла...

Незаметно подошедшая Мали тронула меня за плечо.

– Батшевуш, милая... Я уложила Арика. Они с Рои обрадовались, что будут спать вместе. Перемигивались, дурачки, хотели всю ночь бедокурить и оба заснули, едва коснувшись подушки. Такие смешные. Тебе тоже пора, нет? Я постелю тебе здесь, в салоне.

Мики поднялся со стула и церемонно поклонился хозяйке.

– Спасибо, Мали. Вечеринка была прекрасной. У тебя замечательная племянница... – он повернулся ко мне. – Батшева, еще раз с днем рождения.

«Сейчас уйдет, – поняла я. – Сейчас он уйдет, и все кончится. Кончится день рождения. Кончится праздник. Не будет ни шуточек, ни костюма, ни галстука. Останется только Мени Царфати, его чертова бритва и Джесси-факинг-Каган...»

– Стой, – сказала я вслух. – Стой, Мики. Ты вроде бы грозился отвезти меня домой?

– Брось, Батшева! – вмешалась Мали. – Тебе лучше остаться здесь. Я постелю...

– Мне лучше уехать, – перебила ее я. – Я уже большая девочка, тетя Мали. Не забывай: в нашей семье беременеют в пятнадцать лет и сразу от семи отцов. Или от семидесяти семи... Если не возражаешь, Арик побудет у тебя денек-другой. Здесь ему будет лучше, чем в моем дворце. Мики?

Он подхватил меня под руку и помог встать. Совместными усилиями мы пересекли гостиную и вышли на улицу. Мали беспомощно смотрела нам вслед. Вот будет номер, если Менины солдаты действительно наблюдают за домом. Вот будет номер, если из какой-нибудь машины сейчас вылезет мой муженек собственной персоной. Вот будет номер, если бедному Мики придется расплачиваться за мои грехи...

– Моя тачка на соседней улице, – сказал Мики. – Дойдешь со мной или подождешь здесь?

– Дойду, – твердо ответила я, вцепившись в его надежную руку. – Если надо будет, доползу. Я не останусь здесь одна, Мики. Я лучше сдохну, чем останусь одна в этом чертовом месте. Хотя ты и утверждаешь, что черта нет.

Так – на четырех ногах, две из которых то и дело подкашивались, мы добрались до переулка и двинулись вдоль строя демократических «юндаев», «мазд» и пикапов, характерных для здешнего служилого и рабочего люда. Внезапно блеснувшая справа кошачья морда спортивного «ягуара» выглядела в этом ряду столь же неуместной, сколь и дорогой костюм моего провожатого в компании джинсов и футболок. Поэтому я почти не удивилась, когда выяснилось, что это и есть «тачка», о которой говорил Мики. Он распахнул дверь и со всей осторожностью помог мне всунуться на кожаное сиденье. Меня вдруг потянуло на слезы.

– Мики...

– Да, милая?

– Мне жалко твою машину... – всхлипнула я. – Что будет, если я заблужу тебе этот космический корабль?

– Куплю новый, – проговорил он, уверенно выворачивая руль. – Слушай, ты не против, если я буду звать тебя Бетти? А то Батшева слишком...

– ...многоотцово... – подсказала я.

Мики рассмеялся.

– Слишком архаично и годится только для местного употребления. Зато Бетти везде как родная. И в Европе, и в Штатах.

– Эк ты куда хватил... – хмыкнула я. – Штаты... Ты, может, не поверишь, но мне никогда не приходилось бывать северней Нетании и западней Тель-Авива. Не подумай только, что я предпочитаю юг или восток. С Индией и Китаем мои

дороги тоже не пересекались. У меня и паспорта-то нет. Ну какая из меня Бетти?

- Теперь все пойдет по-другому!

Это было что-то новое – как костюм, как «ягуар», как флирт. Мне часто угрожали, но никогда еще ничего не обещали. Меня брали просто так, без обещаний и объяснений. И даже если я ни на секунду не верила в это веселое «по-другому», в самом факте Микиного обещания была несомненная новизна, пусть и не подтвержденная какой-либо надеждой. Когда тебе вот-вот, не сегодня, так завтра, порежут на лохмотья обе щеки, а то и вовсе закопают под дюной, отчего бы не насладиться напоследок красивой иллюзией и поездкой в космическом корабле?

Машина вырулила на автостраду и понеслась в сторону Тель-Авива. Мики ткнул пальцем в кнопку, и заиграла музыка. «Адон олам». Господин мира.

«Адон олам... – пел скромный ашкеназский мужской голос, – царил всегда... во тьме времен, до света дней...»

- А, так ты же у нас Бог... – вспомнила я. – Царишь всегда. Смотри, чего доброго, я поверю и попрошу чего-нибудь.

Мики рассмеялся.

- Проси, чего хочешь, Бетти. Бог слушает. Правда, лично я, в отличие от Него, не всесилен. Я – как бы это объяснить – работаю Богом на ограниченном кусочке мира.

- Ну вот, начинаются отговорки...

- Но песня и впрямь хорошая... – он прибавил звук. – Послушай. Узи Хитман. Люблю этого певца. Он мне особенно близок...

«...и Он один, и нет други-их...» – тянул особенно близкий певец.

Я скептически покачала головой:

– Слабоват голосок... Ашкеназы не поют, а мучаются. То ли дело Зоар. Знаешь Зоара? Он мне особенно близок. Как наркоман и насильник...

Мы проехали Глилот и теперь неслись по пустынному в этот час Аялонскому шоссе. Хитман запел что-то другое, и Мики резко убавил звук. Хочет сказать что-то важное, поняла я. Мужчины имеют обыкновение драматизировать такие моменты.

– Слушай, Бетти, – сказал Мики после небольшой, но внушительной паузы. – Зэвик обрисовал мне твою проблему. Не знаю, где ты прячешься от своего бандита, но, если он тебя ищет, резонно время от времени менять убежище.

– Поднимайся на следующем выезде, – сказала я.

Если этот парень на «ягуаре» думал, что я затаю дыхание и вся обращусь в слух, то ошибался. Что такого он может мне сообщить, чего бы я не знала? Что хочет меня трахнуть? Подумаешь, новость...

Мики кашлянул, привлекая мое внимание.

– В общем, я предлагаю тебе переехать. Конкретно ко мне. У меня большой дом. Будет удобно. И не подумай, что я... гм... имею на тебя виды.

– А вот это уже обидно, – сказала я. – Тут направо.

Он смутился и немного утратил свою божественную самоуверенность.

– Не подумай только... ты мне очень нравишься.

– Подумай... не подумай... – ухмыльнулась я. – Все в порядке, Мики. Честно говоря, я так напилась, что мне думается с трудом. И не думается тоже. Останови вон у того фонаря. Вот мы и приехали. Спасибо, что подвез.

– Ты хочешь сказать, что живешь здесь? – изумленно проговорил он.

Вид, открывающийся через лобовое стекло «ягуара», и в самом деле оставлял желать много лучшего. Меж переполненных мусорных баков взад-вперед

прогуливались группами по трое – по четверо темные во всех смыслах личности в цветастых блузах и шароварах. Почти каждый сжимал в одной руке бутылку, из которой то и дело отхлебывал, а другой отмахивался от затейливо раздетых проституток обоих полов, которые наперебой приглашали в свои переливающиеся огоньками гирлянд полуподвальные заведения.

Более дешевые работницы ртом призывно махали из-за баков, из тупиков и из редких сгустков тени, то есть отовсюду, где можно в относительной приватности опуститься на колени перед расстегнутыми штанами клиента. Их сутенеры, развалясь на пластиковых стульях, зорко следили за уровнем эффективности торгового процесса и изредка подзывали подопечных, чтобы взбодрить их парой звонких пощечин. Из заваленных всевозможным хламом эритрейских и суданских лавчонок звучала заунывная музыка. Шустрые черные подростки сновали из конца в конец улицы с пакетиками ганжи, гашиша и синтетической дряни неизвестного происхождения. Тут и там вспыхивали пьяные драки – обычно быстро прекращаемые во имя продолжения коммерции.

Прибытие нашего серебристого космического корабля произвело на моих соседей впечатление, схожее, видимо, лишь с гипотетическим приземлением настоящей летающей тарелки. Уверена, что они куда меньше удивились бы появлению живого ягуара. Улица замерла, и челюсти отвисли буквально у всех – даже у тех, кто открывал здесь рот лишь по производственной необходимости.

– Да, Мики, тут я и живу, – как можно спокойней проговорила я и отстегнула ремень.

– Стой, – решительно скомандовал он. – Даже если тебе удалось выжить здесь с ребенком несколько дней...

– Почти три недели, – поправила я. – Ничего страшного. В общем...

– Заткнись! – перебил Мики. – Ты понимаешь, что теперь, когда они увидели тебя в этой тачке, вам тут точно не выжить? Подумай, дурочка, пораскинь мозгами. Вас загребут для выкупа уже завтра, если не сегодня...

Я не нашлась что ответить. Видимо, он был прав. Вот ведь пьяная дура! Не могла выйти раньше и пройтись пешком. Хотя одинокой белой девушке, да еще и под мухой, не очень-то хорошо гулять тут пешком в такое время. В два счета

заташат в какую-нибудь нору и... бр-р-р... Что же теперь делать?

– Вот что, Бетти, – теперь Мики говорил тоном, не терпящим возражений. – Согласна ты или нет, мы уедем отсюда вместе. Прямо сейчас. Подозреваю, что в твоём убежище не слишком много ценностей, за которыми непременно нужно вернуться.

– У меня там вещи... одежда...

– Да и хрен с ней, с твоей одеждой! – прорычал он, впервые за время нашего знакомства потеряв терпение. – Куплю тебе новую!

«О, ещё одно обещание, – мысленно отметила я. – Сегодня точно какой-то особенный день...»

На меня вдруг навалилась жуткая усталость. Наверно, нужно было возразить, выйти из машины, гордо хлопнуть дверцей и, пройдя сквозь строй остолбеневших судано-эритрейских нелегалов, подняться в свою конуру. Подняться в конуру, упасть на койку и просто ждать, когда придут те, которые берут без обещаний – берут твоё тело, твою душу, твоё лицо, твою жизнь. Каждый должен отвечать за себя, стараясь при этом не впутывать других, никак не повинных в твоих дурацких неразрешимых проблемах. Но мне ужасно не хотелось покинуть кожаное кресло космического корабля. Улететь в космос – это куда приятней, чем пятиться от руки с зажатой в ней бритвой.

– Мики, – сказала я, – ты хороший человек, но понятия не имеешь, во что ввязываешься. Парни из Джесси-факинг-Каган не прощают, когда кто-то лезет на их территорию. А я – как раз их территория.

– Ничего, как-нибудь переживу... – буркнул он и нажал на газ.

Серебристый «ягуар» плавно рванулся вперед. Мои теперь уже бывшие соседи в цветастых штанах бросились врассыпную, отскакивая от грозной пасти хищника – точь-в-точь как их бесштаные родственники в африканской саванне.

На следующее утро я проснулась с гудящей и тяжелой, как радиогиря, башкой. Поднять ее с подушки не представлялось возможным, поэтому мне оставалось лишь воспользоваться сохранившейся подвижностью век и зрачков.

Неимоверным усилием воли приподняв первые и подвигав вторыми, я обнаружила, что лежу на кровати – одна и в том же платье, которое было на мне вчера. Мой благодетель... как же его?.. – ах да, Мики... Мой благодетель Мики снял с меня туфли, а все остальное вроде бы оставил нетронутым, включая девичью честь. Что слегка тревожило, ибо оставляло открытым вопрос – на хрена я ему тогда понадобилась.

На самом деле, открытых вопросов хватало и без этого. Например, что это за место? Поднапрягшись, я вспомнила, что отрубилась где-то на выезде из Тель-Авива во втором часу ночи. С того момента, судя по показаниям будильника, прошло без малого одиннадцать часов – если, конечно, подследственный не врет. Значит, за это время меня могли доставить куда угодно – хоть на Луну. Впрочем, нет, до Луны далековато; кроме того, там не водятся ягуары. А где они водятся? В Африке?.. В Америке?.. В Лондоне. Ягуары водятся в Лондоне. Теперь вспомнить бы, где водится Лондон...

Собравшись с духом, я скатила радиогирю с подушки и, взяв ее, то есть себя, в руки, сначала села на кровати, а затем и встала, вцепившись для верности в спинку дружелюбно подвернувшегося стула. Думаю, весь процесс превращения обезьяны в человека потребовал меньших усилий. Если уж совсем начистоту, обезьянам вряд ли стоило так стараться – результат вышел так себе. Кто-то, вон, решил остановиться на стадии ягуара, и получилось совсем неплохо...

Передавая себя как эстафетную палочку, вернее, как эстафетное бревно, от спинки стула к спинке кровати и далее – к стене, шкафу, еще одному стулу и, наконец, столику, я добрела до окна и раздвинула жалюзи. Как выяснилось, Лондон водился в пустыне! Снаружи на меня смотрело залитое солнцем светло-бежевое пространство с редкими островками серых от пыли кустов и уходящей за горизонт лентой шоссе. Слева и справа виднелась линия внушительных вилл с зелеными лужайками, голубыми пятнами частных бассейнов и увитыми виноградной лозой изгородями. От пустыни их отделял столь же внушительный пятиметровый забор – по-видимому, чтоб ягуары не разбежались: бетонные столбы, видеокамеры, колючка в два ряда и грунтовка для патрульных джипов.

Насмотревшись из окна, я обнаружила на столе записку. Мой благодетель сообщал, что уехал по делам и вернется к вечеру. Пока же мне предлагается чувствовать себя как дома: халат в ванной, жратва в холодильнике, ключ висит у входной двери.

«Поселок называется Офер, – писал Мики в заключение, – это недалеко от Беер-Шевы. Захочешь погулять – могут спросить, кто ты и что тут делаешь. Отвечай, что ты моя жена, а зовут тебя Бетти Шварц».

В ванной и в самом деле нашелся халат, а также полотенца и прочие детали, необходимые для окончательной эволюции похмельной обезьяны в мало-мальски приличную женщину. Одежду я сунула в стиральную машину, а в халате особо не выйдешь, поэтому пришлось занять себя кухней. Мики приехал, когда уже стемнело. Мы поужинали и легли в постель – не потому, что он настаивал, а потому, что мне самой хотелось внести хоть какое-то объяснение своему пребыванию здесь. Он был нежен и предупредителен – как раз то, что нужно. Иногда ты знать не знаешь, что тебе чего-то не хватает, а потом вдруг получаешь и думаешь: как я вообще без этого жила? Вот и у меня с Мики вышла ровно такая история.

Не то чтобы я влюбилась... скорее нет, чем да. Никто не назвал бы его красавцем: неприметный мужчина среднего роста, среднего телосложения и средних лет. По возрасту он годился мне в отцы. Но он дал мне защиту, ласку, крышу над головой и все прочее, о чем я только могла подумать. Конечно, я изначально не предъявляла ему никаких запросов – да и какие могут быть запросы у двадцатилетней беженки из Джей-Эф-Кей, впервые изнасилованной в восемь лет и забеременевшей в пятнадцать от психованного уголовника, подстерегающего ее снаружи с бритвой в руке?

Вероятно, именно это его и привлекало: отсутствие запросов. Я не посылала его к джину лампы просить для меня дворцы, бриллианты и царства. Я всего лишь надеялась, что он поможет выжить мне и малышу, и не собиралась упрекать, если откажется. Но Мики превзошел все мои ожидания. Наутро после нашей первой ночи мы поехали в Беер-Шеву и, пройдя по дорогим бутикам, подобрали мне новый гардероб. Хотя слово «подобрали» тут не очень подходит: подбирал он, и платил тоже он, а я только смущалась и качала головой, не в состоянии понять, какого черта.

Какого черта он во мне нашел? На хрена ему сдалась такая бедолага, как я – ломаная-переломанная жизнью, с четырехлетним довеском и целой бандой на хвосте? Для секса? Но для секса он, с его башлями, костюмами, виллой и «ягуаром», мог с легкостью найти сотню других девчонок, более умелых и привлекательных.

На четвертый день я сказала ему, что должна вернуться к Арику. Нет сомнений, что у Мали он как сыр в масле катается, но мальчику нужна мама. Мики пожал плечами:

– Он будет жить здесь, с нами. Офер – прекрасное место, чтобы растить детей. Хорошая школа, кружки и полнейшая безопасность. Ты же видела – подростки гуляют до полуночи, и никто не беспокоится.

Так оно и было. В поселке жили сплошь богатые люди. Микин «ягуар» не казался здесь экзотическим зверем; редкостью в этой обители «мерсов», «порше» и «кадиллаков» были скорее «мазды» и «субары». Как и положено благородным аристократам, автомобили здесь не ночевали на улице: к каждой вилле примыкал гараж на две-три машины. Мики тоже держал вторую тачку, которая выглядела полной противоположностью первой: замызганный белый «шевроле». Близость бедуинского вора компенсировалась усиленной охраной, так что беспокоиться действительно было не о чем. С одной загвоздкой: я не принадлежала к этому чудесному миру счастливого будущего.

– Мики, дорогой, – сказала я так мягко и ласково, как только могла. – Ты приютил меня здесь, купил кучу дорогих шмоток, и мне очень хорошо с тобой в постели. Но ты зря называешь меня своей женой. Я не Бетти Шварц, Мики. Я – Батшева Царфати, урожденная Зоар, жена обдолбанного бандита, который уверен, что я сдала его ментам, и твердо намерен располосовать мое лицо опасной бритвой. Таковы факты, Мики. Если хочешь, вот мое удостоверение личности, взгляни...

Я вынула из сумочки документ. Мики молча взял пластиковую карточку и потянулся к стойке для кухонных ножей. Прежде чем я успела что-либо сообразить, он уже искромсал мое бедное удостоверение на несколько кусков.

– Что ты делаешь?!

– Тебе это не понадобится, Бетти, – сказал он. – Все твои прошлые документы относятся к прошлому.

– Ну ты даешь... – выдохнула я. – Теперь мне придется переться в контору восстанавливать...

– Не придется... – он выдвинул ящик стола и достал оттуда кожаный складень. – Если уж на то пошло... Я уже обо всем позаботился. Ознакомься.

В пахнущих дорогой кожей кармашках лежали документы на имя Бетти Шварц. Удостоверение личности, загранпаспорт, водительские права... кредитные карточки... членство в каких-то клубах... абонементы... И повсюду в нужных местах красовалась моя фотография. Я ошеломленно уставилась на Мики.

– Что это? Как это... – я подобрала одну из карточек. – Тут даже лицензия на ношение оружия... откуда это все взялось?

Он пожал плечами, явно довольный моим изумлением.

– Скажем так: у меня есть связи. Связи плюс деньги – это уравнение, в правую часть которого можно подставить все что угодно. Такая вот математика. Говорю тебе: ты теперь Бетти Шварц, и не спорь. Что тут удивительного? Люди сплошь и рядом меняют имена самым официальным образом. А что касается брака, то мы с тобой поженились два дня назад. Показать ктубу или так поверишь?

– А как же...

– Свадьба? Свадьбу я тебе обещаю по всем правилам: с гостями, платьем и фатой. Просто сейчас нам не стоит особенно шуметь. Ведь не стоит?

Я помотала головой:

– Не стоит. Но я не о свадьбе. Как же мой Арик?

– А что Арик? – удивился Мики. – Арик как был, так и остался – твой сын от первого брака. Я усыновлю его, если позволишь. Привезем его сюда, когда решится проблема с Мени Царфати.

– А она решится? Каким образом? Думаешь, они не доберутся до Офера?

Он снова пожал плечами:

– Я ж говорю: если слева есть связи плюс деньги, то справа можно подставить примерно все. Даже твоего Мени... Как-нибудь договоримся.

А еще через неделю Мики вернулся в середине дня и бросил на стол газету:

– Читай, Бетти. Кончилось твое заточение. Завтра утром едем за малышом.

Газета была раскрыта на разделе уголовной хроники. Заметка называлась «Война за передел территории» и описывала обострение конфликта между бандами Яффо и квартала Джесси Каган, спровоцированное таинственным исчезновением хорошо известного правоохранительным органам наркодилера Менахема Царфати.

«В полиции предвидели, что после выхода из тюрьмы Царфати займется борьбой за возвращение той части территории сбыта наркотиков, которая была утрачена бандой квартала за время его отсидки, – писал репортер. – Как видно, яффская группировка имела на этот счет собственное мнение и поспешила заранее ликвидировать опасного конкурента. Вряд ли полиции удастся когда-либо обнаружить тело пропавшего наркодилера – песочные дюны к западу от Ришона надежно хранят тайны подобных ликвидаций. В квартале Джесси Каган поклялись отомстить «яффским», которые, как стало известно нашему корреспонденту, решительно отрицают свою причастность к исчезновению Менахема. На сегодняшний день в перестрелках, связанных с конфликтом между преступными группировками, погибло не менее четырех человек и есть около дюжины раненых...»

Я подняла глаза на Мики.

– Ты хочешь сказать, что он мертв?

– Так написано в газете.

– Газета может врать...

- Тут ты права, - улыбнулся Мики. - Но я проверил по своим каналам в полиции. Царфати исчез через день после твоего приезда сюда, а потом в машине у кого-то из «яффских» нашли его бритву. Он ведь ходил с бритвой, твой Мени?

Меня передернуло при воспоминании о бритве моего бывшего.

- Так и есть, с бритвой.

- Ну вот... - Мики обнял меня и поцеловал. - Ты свободна, моя девочка. Начинается новая жизнь.

- Мики... - пробормотала я, уткнувшись носом в его шею.

- Да?

- Ты ведь не работаешь в полиции?

- С чего ты взяла? - рассмеялся он. - Из-за того, что у меня там каналы? У ребят из твоего квартала, как видишь, тоже. Иначе как бы они узнали про бритву и про «яффских»? Нет, Бетти, я совсем не мент.

- А кто же ты?

- Бизнесмен.

- Это может значить что угодно. Какими делами ты занимаешься? Чем торгуешь? С кем работаешь?

Он погладил меня по голове.

- Всему свое время, девочка. Всему свое время...

На следующий день мы забирали малыша. Мали сказала:

- Вижу, у тебя сладилось с Мики. Он хороший парень, держись за него. Грех говорить дурное о свежем покойнике, но я рада, что Мени исчез из твоей жизни... - она помолчала и добавила: - Шломин, его сестра, искала тебя, приезжала сюда, доставала нас по телефону чуть ли не каждый вечер. Думаю, лучше позвонить ей, а то ведь не успокоится.

Я набрала номер своей подруги по приюту.

- Мали?! - закричала она, едва сняв трубку. - Ты нашла Батшеву? Где она?

- Это Батшева, - ответила я. - Звоню с Малиного домашнего. Чего ты хотела?

На другом конце провода воцарилось молчание.

- Шломин? Ты еще здесь?

- Я-то здесь, а вот ты где? - мрачно проговорила Шломин. - Какая жена прячется от семьи в такой тяжелый момент? Неужели Мени был тебе настолько безразличен?

- Какая жена? - переспросила я. - Наверно, такая, которую муж пообещал зарезать. Ты ведь хорошо знала своего братца, Шломин. В первый раз он изнасиловал меня на твоём дне рождения.

Она опять замолчала, и мне пришлось подтолкнуть разговор.

- Шломин, ты хотела говорить - говори. Или давай распрощаемся, я тороплюсь.

- Ты уезжаешь? Куда?

- Не твоё дело.

- Значит, домой тебя не ждать?

- Это больше не мой дом.

– Как ты можешь, как ты можешь... – моя подруга всхлипнула и сменила тон с требовательного на молящий: – Батшева, ты ведь мне ближе сестры. Неужели не скажешь, где он? Пожалуйста, подумай о нашей с Мени матери. Каково ей? Мы ведь даже не можем отсидеть по нему шиву... Ну пожалуйста, пожалуйста...

– О чем ты? – оторопела я. – Что я должна сказать?

– Где он? – простонала Шломин. – Хотя бы намекни. Если не можешь сказать, тогда передай через кого-нибудь. Где его закопали? Маму убьет, если она не сможет приходить к нему на могилу. Сначала муж, теперь сын... Не наказывай нас так страшно, мы ведь ни в чем не виноваты. Позволь попрощаться с Мени, как положено, по-человечески: с шивой, с поминками, с надгробьем. Пожалуйста...

До меня наконец дошло.

– Ты с ума сошла... С чего ты взяла, что я знаю об этом больше тебя? Если бы не вчерашняя газета, я бы и сегодня пряталась от его бритвы. Как меня вообще касаются войны квартала Джесси Каган с «яффскими»?

Шломин саркастически хмыкнула.

– Войны с «яффскими»... Расскажи эту басню дуракам или газетчикам. Это ведь ты его заказала, так? – она продолжила, постепенно срываясь на крик: – Это ты его убила, сука! Ты убила моего брата! Ну, что молчишь, падла?! Убила отца своего ребенка! Убийца! Сволочь!..

Когда она перешла на мат, я отсоединилась и, подняв голову, наткнулась на понимающий взгляд Мики Шварца.

– Обвиняют, да? Твоя подружка так вопила, что было слышно отсюда, в пяти метрах от трубки... – в его круглых глазах светились сочувствие и поддержка. – Похоже, теперь тебе будут не слишком рады в родном квартале. Но мир – это ведь не только Джесси Каган, правда, Бетти?

Я кивнула, хотя и не так уверенно, как хотелось бы нам обоим. Нет спору, выдавшей вида девушке из Джей-Эф-Кей тоже можно запудрить мозги – но

лишь до некоторого предела. Мне очень хотелось бы верить, что Мени и впрямь, как утверждалось в газете, погиб от руки «яффских» из-за обычного для бандитов передела территории. Тем не менее, ярость, с которой моя приютская подруга отрицала полицейскую версию, не могла не вселить в меня серьезные сомнения. «Что-то здесь нечисто, – думала я, всматриваясь в чересчур невинное выражение Микиного лица. – Уж больно гладенько все сошлось. В жизни так бывает, но редко...»

Видимо, в следующие несколько дней Мики и сам чувствовал мое растущее недоверие. Мы обменивались вопросительными взглядами, понимая, что когда-то этот странный переходный период закончится либо крупной ссорой, либо основательным объяснением, которое окончательно прояснит ситуацию. Я ждала, он выбирал подходящее время – во всяком случае, такой казалась мне причина его молчания. В остальном жаловаться было не на что. Мики прекрасно поладил с малышом. Он заранее позаботился наполнить комнату Арика занимательными игрушками, так что мальчишка пребывал в полном восторге. Они даже играли вместе, с одинаковым азартом пиная мячик или охотясь друг на друга в телевизионных стрелялках.

В общем, когда Мики предложил съездить втроем на море, это выглядело естественным продолжением наметившегося семейного благополучия.

– Погуляем по пляжу, посидим в кафе и вернемся, – сказал он. – А потом поговорим, ладно? Недомолвки мешают мне не меньше, чем тебе.

Я молча кивнула, в который уже раз оценив его такт и основательность. Человек хотел начать важный разговор не с бухты-барухты, а хорошо подготовившись, создав нужное настроение – расслабленное и благоприятное. Чем дальше, тем больше Мики Шварц предстал предо мной чуть ли не ангелом во плоти. Если честно, я просто не знала, что и думать.

Ночью накануне нашей поездки я проснулась в холодном поту, рывком выпрыгнув из кошмарного сна, словно с верхнего этажа небоскреба. Я в упор не помнила ничего из привидевшегося мне кошмара – ни единой детали; но руки тряслись и дыхание перехватывало от постепенно отступавшего ощущения ужаса. Рядом мирно посапывал Мики – мой надежный, уверенный, предупредительный, сильный, богатый, нежный в любви мужчина. Мой ангел-хранитель, ангел во плоти. Накинув халат, я спустилась на кухню попить водички и успокоиться.

«Вот-вот, – сказала я себе. – Попей водички и успокойся. Чего ты испугалась, дура? Того, что впервые в жизни к тебе относятся по-человечески, а не как к послушной подстилке, которую можно безнаказанно лупить и насиловать? Или даже не просто по-человечески, а чуть ли не по-королевски... Да-да, относятся как к королеве, как к необыкновенной женщине, которая драгоценна сама по себе, которую надо оберегать, которой следует дорожить... Неужели это так страшно?»

Наутро мы выехали довольно рано: Мики сказал, что нужно много успеть. На этот раз никто на шоссе не провожал нас глазами: спортивный «ягуар» не подходил для детского кресла, и пришлось взять «шевроле». Вообще, соседство двух этих машин в Микином гараже выглядело довольно странным: неужели хозяин первой не может позволить себе что-нибудь получше, чем вторая? Словно прочитав мои мысли, Мики с улыбкой похлопал по рулю:

– Внешний вид бывает обманчивым, Бетти. И это как раз тот случай. Знала бы ты, сколько мне стоило полностью перебрать и форсировать движок этой лошадки! Зато теперь еще неизвестно, какая из двух тачек быстрее. Зато известно, какая незаметней...

В ответ я только пожала плечами. Положительно, этот человек был соткан из загадок. Тот, кто любит незаметность, не покупает «ягуаров», а тот, кто уже купил, вряд ли станет запихивать столь же мощный мотор в дешевую «шевролешку»...

Стояла чудная погода: яркий солнечный день, спокойное море. Сначала Арик и Мики забавлялись, бросая в воду камешки, затем переключились на мяч. Мы никуда не торопились, просто брели нога за ногу, подчиняясь суматошной траектории малыша, который то пробовал ногой крепость плиток променады, то сбегал на траву газона, то вдруг сворачивал к линии ленивых волн, чтобы затем вновь, переключив скорость с первой на шестую, вернуться на променаду. Справа белели высокие офисные здания и отели. Мимо, надменно пыхтя и не размениваясь на взгляды по сторонам, бежали тель-авивские джоггеры в богатых трико и фирменных кроссовках. У каждого в ухе белел наушник, что делало их похожими на радиоуправляемые модели.

Дышалось легко и свободно; я вспомнила свои ночные страхи и рассмеялась.

- Ты что? - спросил Мики.

- Ничего, так... - я крепко взяла его под руку. - Спасибо, милый.

- Милый... - повторил он. - Ты еще ни разу меня так...

- ...не называла? Верно. А сейчас вот захотелось.

Я снова рассмеялась. Думаю, еще никогда в жизни мне не было так хорошо. Хотелось идти вот так и идти. Идти и идти, идти и идти, идти...

- Бетти, ты не знаешь, где тут улица Альшейха?

Я с полминуты поморщила лоб и качнула головой:

- Понятия не имею.

Мики озабоченно цыкнул:

- Нам надо туда. Я думал, что помню, как проехать, но не уверен...

К нашим ногам подкатился мячик, а вслед за ним Арик. Мики подхватил мяч, малыш тут же бросился отнимать. Они и в самом деле прекрасно ладили.

- Слушай, - сказал Мики, шутливо отбиваясь от малыша. - Спроси вот у того мужика на скамейке. А я пока справлюсь с этим богатырем.

Он заграбастал визжащего от восторга Арика. В десятке шагов от нас и впрямь, положив обе руки на спинку скамьи, восседал солидный седовласый мужчина, одетый по здешней джоггерской моде. Я подошла, все еще улыбаясь во весь рот от своего невесть откуда взявшегося счастья.

- Извините. Не подскажете, как проехать отсюда на улицу Альшейха?

Седовласый вытащил из уха аппарат, разорвав таким образом связь с центром радиоуправления. Это позволяло надеяться на ответ.

– Альшейха? – повторил он, наморщив лоб точно так же, как это делала я полминуты назад. – Это просто, красавица. С Хаяркона повернешь на Харав Кук – и до конца. А там спросишь.

Мимо нас прокатился мячик – за ним, залиvisto хохоча, пронесся Арик.

– Твой? – спросил седовласый. – Какой симпатичный пацанчик. Весь в ма...

Он вдруг замолчал, будто вспомнив что-то, отвел взгляд и свесил голову на грудь, как будто заснув под действием гипноза. Мики сзади подхватил меня под руку:

– Пойдем, пойдем, а то Арик убежит. Вон он уже где...

Послушно шагая вперед, я оглянулась на спящего... на спящего?..

– Не оглядывайся! – скомандовал Мики. – И не торопись. Идем, как шли до этого... Арик, Арик! Беги сюда, бандит ты этакий. И мячик, мячик захвати!

Лишь в этот момент я наконец осознала то, что минуту-другую попросту отказывалось уместиться в моей бедной глупой башке. Мики убил того мужика. Мики застрелил его среди бела дня на людной набережной. Я не видела, как он стрелял, не видела и куда он спрятал оружие, но зато хорошо расслышала два характерных хлопка.

– Ты уложил его, Мики, – тихо проговорила я, автоматически передвигая ноги. – Ты застрелил его из пистолета с глушителем. Я знаю этот звук. Я росла в Джей-Эф-Кей, я была женой бандита, я знаю этот звук...

– Ш-ш-ш, Бетти, – прошипел он. – Возьми мяч, а я беру малыша...

Я подняла мяч, он взял на руки Арика, и мы пересекли шоссе – не наобум, как попало, а не торопясь, по зебре, дождавшись зеленого светофора, как и положено нормативной, законопослушной семье. Мне не хотелось думать. Мне вообще ничего не хотелось, в особенности – думать. Яркий солнечный полдень померк, небо потемнело, воздух утратил свежесть. Я сосредоточенно передвигала ноги, полностью уйдя в этот сложный процесс. Одна – другая.

Одна – другая. Эта – левая, а эта – правая. А может, наоборот, неважно. Важно – не думать. Но непрошенные мысли все равно упрямо всплывали в меня – медленно и равнодушно, как тяжелые холодные карпы.

«Мы всего лишь его прикрытие, – плыло у меня в голове. – Он прикрывался мною, когда стрелял. Он использовал малыша, чтобы отвлечь внимание. Он все рассчитал. Настоящий мастер, не какой-нибудь бандит. Профессионал, сразу видно. Теперь понятно, откуда у него столько денег...»

На стоянке нас ждал неприметный «шевроле» – неказистая с виду дешевка, прячущая под исцарапанным капотом двигатель мощного гоночного автомобиля. Теперь ясно, зачем ему нужна именно такая тачка. Теперь, теперь, теперь... Теперь ясно, теперь понятно. Где были мои глаза раньше, до этого «теперь»?

Мы выехали на автостраду. Набегавшийся малыш почти сразу задремал. Мики сосредоточенно вел машину, время от времени испытующе поглядывая на меня. В его круглых глазах не было ни тени смущения или растерянности – лишь прежняя подкупающая смесь детской наивности и непоколебимой уверенности в себе. Мне понадобилось довольно много времени, чтобы наконец открыть рот и привести в действие язык. Впрочем, и тогда моих сил хватило всего на одно слово.

– Почему?

Мики облегченно вздохнул:

– Слава тебе, Господи. Я уже боялся, что ты онемела. Почему? Потому что он был подонком. Настоящим подонком. Адвокатом мафиозного клана из Бат-Яма. Вытаскивал из тюрьмы убийц и наркодельцов. Подкупал прокуроров и полицейских. На его совести больше трупов, чем у Джека Потрошителя. Так-то он не выходил из дома без телохранителя, но утренняя пробежка – дело интимное, с топтуном неловко. Вот и добегался. Он всегда на ту скамейку садился. Посидит, отдохнет – и бежит обратно. Умный-умный, а дурак. Думал, на людной набережной его не тронут... Вот поэтому. Ну и еще потому, что это моя работа, Бетти. Его мне заказали неделю назад. Я ответил на твой вопрос?

Я отрицательно мотнула головой:

– Нет. Я спрашивала не об этом. Почему ты выбрал меня?

– Ах это... – он помолчал. – Давай, лучше я начну с самого начала. Так или иначе нужно рассказать тебе обо всем. Прежде всего, моя фамилия не Шварц...

По-настоящему его звали Михаэль Хитман. Не родственник певца Узи Хитмана, чей диск постоянно звучал в его машине, а просто однофамилец. Рос в одном из коммунистических кибуцев Изреельской долины. В шестнадцать связался с девчонкой из соседнего Бейт-Шеана, а через нее – с компанией тамошних сорвиголов, в том числе и с Зэвиком, закадычным дружкой и будущим мужем моей тети Мали. По этой причине рассорился не только с родителями, но и со всем кибуцем, и в ЦАХАЛ пошел не десантником, как подобает образцовому коммунару, а бойцом бедовой бригады Голани, где вечно бунтуют и садятся в тюрьму за травку и гашиш, и куда приличный бледнолицый ашкеназ даже носу не кажет.

После армии отправился путешествовать вместе с Зэвиком по Южной Америке. Сначала несколько месяцев, пробавляясь случайными заработками, слонялись от Колумбии до Патагонии и обратно на север. А напоследок решили заехать в Штаты и пересечь их наискосок, дабы узнали и там, что такое настоящий «голанчик». В Лас-Вегасе их настигло горестное известие из Бейт-Шеана: у Зэвика умер отец. Денег хватило только на один билет; Мики посадил друга на самолет и остался зарабатывать на обратную дорогу. Мыл в ресторанах посуду, ночевал в кладовках. Когда до искомой суммы оставалось всего две-три сотни баксов, зашел в бар побаловать себя бутылкой-другой пива.

Сосед по стойке подозрительно долго косился на него, а когда Мики совсем уже собрался пересечь от греха подальше, вдруг спросил на чистом иврите:

– Давно из Страны?

– Полгода, – ответил Хитман. – Как ты узнал, что я израильтянин?

Сосед рассмеялся:

– Нашего брата издалека видно. По повадке. Ну и акцент тоже. Слышал, как ты заказывал...

Он передразнил топорный Микин выговор. Тот не обиделся: без Зэвика успел соскучиться по родному языку.

- После армии? – продолжил расспросы сосед.

- Голани.

- Гола-а-а-ни... – уважительно протянул незнакомец.

Был он плечист и грузен, говорил неторопливо, слегка растягивая слова и ощупывая собеседника взглядом прищуренных глаз.

- Тогда давай знакомиться, братан. Я ведь тоже голанчик... Том Атиас, бывший Томер...

Мики пожал протянутую крепкую ладонь и назвал свое имя.

- Михаэль? – переспросил Том, бывший Томер. – А фамилия? Что-то ты слишком похож на ашкеназа.

- Хитман.

Атиас поперхнулся и разразился хохотом.

- Что такого смешного?

- Ох... Хитман... – едва выговорил сосед, утирая ладонью выступившие слезы. – Ты хоть знаешь, что это значит? Что это значит здесь, а не в Стране, где это просто фамилия? Знаешь?..

Так Мики впервые узнал, что в Америке слово «хитман» означает «киллер», наемный убийца. Новый знакомый подозвал бармена и заказал еще... и еще... и еще... Потом они пересели за столик, и Атиас угостил Хитмана ужином. Говорили о том, как служилось в прошлые и в нынешние годы. Мики успел прихватить немного Южного Ливана, леживал в засадах и был неплохим стрелком. Расставались друзьями.

– Слушай, парень, – сказал напоследок Том, – не хочешь ли подработать? Дело плевое, знакомое. Завтра с утра мне надо побалакать кое с кем, не хочется в одиночку идти. Прикроешь спину своему же брату-голанчику?

– Завтра с утра? – Мики смущенно почесал в затылке. – У меня как раз смена в ресторане. Извини, не хочется терять джоб.

Атиас пренебрежительно отмахнулся.

– Джоб-джоб... Обижаешь, Хитман. Не будь таким ашкеназом, ты же из Голани. Я ведь не бесплатно тебя приглашаю... – он назвал сумму, которая на порядок превосходила недельный заработок мойщика посуды, и тут же, достав из кармана пачку банкнот, поразительно быстро отсчитал нужное их число. – Вот половина, остальное завтра. Ну, бери...

Мики взял. Соблазн был слишком велик: полученных денег с лихвой хватало и на билет, и на шмотки, и на подарки друзьям-приятелям. Наверно, следовало прислушаться к слабенькому голосу разума, который взывал к осторожности из каких-то неведомых глубин. Обидно пройти разведроту Голани, Южный Ливан и лихие приключения в Колумбии, Бразилии и Аргентине, чтобы под самый конец залететь по глупости в американскую тюрьму. Но в голове плескался колючий ерш – пиво вперемежку с бурбоном, разговор на иврите располагал к братскому доверию, да и какой голанчик откажется прикрыть другого голанчика?

На следующее утро Атиас подобрал его там, где условились. Болтая о том, о сем, доехали до обычного домика в обычном пригороде, в четверти часа езды от даунтауна. Никаких тебе подземелий, темных складов и зловещих развалин. Видя такое мирное развитие событий, Мики совсем успокоился. В гостиной дома перед включенным телевизором сидели двое мужчин; миловидная хозяйка разливала кофе. Мики и Атиас тоже взяли по чашечке. Сначала разговор шел мирно, но минут через пять наметились разногласия. Именно наметились – до реального спора дело не дошло, потому что один из мужчин вдруг выхватил пистолет.

Том Атиас среагировал молниеносно: оказалось, что он стреляет еще быстрее и точнее, чем считает деньги. Мики и моргнуть не успел, как один из хозяев уже смотрел мертвыми глазами в потолок, а другой, пока еще живой, корчился на ковре. Атиас подобрал выпавший из рук противника пистолет и сунул его

Хитману.

– Подбери челюсть, братан, и держи ствол, – скомандовал он на иврите. – Скорее всего, этот маньук сдохнет сам, но, если начнет чудить, пусти ему пулю в башку. Я сейчас...

Мики послушно взял оружие. Атиас схватил за волосы оторопевшую женщину и потащил ее вверх по лестнице. «Вот уж влип так влип, – констатировал Мики. – А ведь ничто не предвещало... Что делать теперь? Бежать? Как? Куда?» Еще вчера вечером будущее выглядело предельно ясным: неделя-другая в мочной – и домой. И вот сегодня утром он сидит в гостиной чужого дома, уставив ствол на смертельно раненного незнакомца, а напротив развалился в кресле трупак с дыркой во лбу. Жизнь прямо на глазах улетала в какие-то темные бездны. Со второго этажа доносилось лишь приглушенное мычание, потом смолкло и оно.

Зато раненый стал подавать признаки жизни. Сначала он поддернул штанину, под которой оказалась кобура с маленьким револьвером. Остановившимся взглядом Мики смотрел, как мужчина, постанывая от боли, тянется к оружию. Вот он дотронулся пальцами до пластмассовых щечек рукоятки... вот пытается ухватиться за нее... вот ухватился... вытащил револьвер из кобуры... вот, скосив глаза на остолбеневшего Мики, пытается поднять руку... вот поднимает...

Прогремел выстрел. Голова раненого резко дернулась, он выронил оружие и замер в смертном параличе. Мики обернулся – с лестницы на него смотрел Атиас.

– Что с тобой, братан? Я же ясно сказал: будет чудить – стреляй. Лишний шум нам ни к чему, но когда нет выбора – нет выбора. А если бы я не подоспел, где бы ты сейчас был? Так и дал бы застрелить себя на ровном месте? – Том спустился в гостиную и поставил на столик принесенный сверху портфель. – Ничего, не переживай. По первому разу и не такое бывает. Штаны сухие? Если так, то уже хорошо... Давай шустрее. Сотрем наши пальчики и на выход. Засиделись в гостях, пора и честь знать. Пистолетик-то оботри и брось. Нам чужого не надо, но и своего не отдадим.

Он с довольным видом похлопал портфель по кожаному боку. Позже, уже в машине, Атиас протянул Хитману пачку банкнот.

– Твое, заработал. Гонорар вместе с бонусом от профсоюза... Вот теперь ты настоящий хитман, не по паспорту, а по профессии. Кстати, документики надо бы поменять. Придумаем тебе другое погоняло. А то хитман с фамилией Хитман – это ж курам на смех. Займемся этим, сразу как приедем в Эл-Эй.

– В какой Эл-Эй, Том? – пробормотал хитман Хитман. – Мне нужно домой. В аэропорт. Куплю билет и...

– ...и сразу угодишь в участок, – прервал его Атиас. – Думаешь, мы там совсем не наследили? Такого не бывает, партнер. Три трупа – это тебе не три раза плюнуть. Легавые непременно что-то унюхают. Всегда находится не в меру любопытная соседка, или школьник на велосипеде, или садовник, подрезающий куст. Но первым делом менты садятся на аэропорт. Потому что знают: дурачок вроде тебя побежит именно туда билетик покупать. Нет, парень, так не пойдет. Сейчас мы с тобой сменим тачку, а потом тихо-мирно, не превышая скорости, поедем в Эл-Эй и заляжем там на дно неделек этак на пять, на шесть. Понял?

Доводы Тома Атиаса звучали уверенно и логично; он предлагал ясный план и четкую перспективу – по крайней мере на ближайший месяц. И совсем растерявшийся Мики в очередной раз согласился – так же, как днем раньше согласился взять аванс, а часом раньше – пистолет. Они оставили машину на огромной площадке возле торгового центра, пешком добрались до подземной стоянки одного из отелей и там пересели в другой автомобиль с калифорнийскими номерами. Час спустя новоявленные напарники уже пылили на запад – в точности, как обещал Том: тихо-мирно и не превышая скорости...

Не могу сказать, что мы с Мики ехали до Офера так же медленно. Он посвящал меня в свою историю довольно подробно, не скупясь на детали и не торопясь к концу, зато «шевролешка» неслась, как стремительная акула, захлеб заглывая неповоротливые километры. Арик проснулся, когда мы въезжали в гараж. После обеда я усадила малыша перед телевизором и спустилась дослушать окончание рассказа. Мики открыл третью бутылку вина – первые две мы уговорили еще за едой.

– Давай дальше, Хитман...

– Шварц, – поправил меня он. – Моя фамилия Шварц, Бетти. Хитмана больше нет. Когда мы приехали в Эл-Эй, Атиас поселил меня у себя. На второй день он

сказал, что негоже зря терять время. Что залечь на дно не означает лежать вовсе без движения. Что грех не использовать это время, чтобы научить меня паре-тройке полезных вещей. И мы приступили к тренировкам. Он научил меня многому. Остальное пришло с опытом.

– С опытом... – саркастически кивнула я. – Ты имеешь в виду...

– ...заказные убийства, – спокойно продолжил Мики. – Такая была профессия у Тома Атиаса: хитман – фрилансер. Он сделал меня своим напарником. Как он сам говорил, два голанчика, спина к спине. Мы работали на себя, без какой-либо крыши, без начальников и поставщиков заказов. Нас находили через знакомых, по рекомендациям. Интернет только-только входил в моду, но уже существовали форумы, где можно было намекнуть на желание снять с пробега того или иного жеребца. Через три года я приехал в Страну еще не миллионером, но уже при деньгах. Поменял фамилию и вернулся в Штаты. Скажу не хвастаясь: к тому времени я стал настоящим мастером. Но чем дальше, тем меньше мне нравилось это занятие. Одно дело – заваливать реального подонка, и совсем другое – когда дело касается невинного. Я не хотел чувствовать себя злодеем, понимаешь? Я хороший человек.

– Ничего себе, хороший человек... – хмыкнула я.

Мики поднял руки, словно защищаясь.

– Подожди, дослушай, а потом суди. Мы с Томом поссорились, причем крупно. Я отказывался брать заказы без разбора. А он говорил, что не наше дело – разбираться, кто прав, кто виноват. Что этим занимается Господь Бог, да будет благословенно Имя Его. Что мы всего лишь стиральные машины, как в прачечной. В нас точно так же засовывают заказ, бросают в щель деньги, и мы стираем. Что мы так же не выбираем, кого стирать, а кого нет. Тогда я сказал, что не буду продолжать на таких условиях. Что я ухожу. И... и...

Мики взял бокал и залпом выпил.

– И что? – поторопила его я.

– И это кончилось плохо, – мрачно проговорил он. – Я подозревал, что Том не отпустит меня просто так. Во-первых, он опасался, что я открою свой бизнес и

переманю клиентуру. Во-вторых, я был в курсе всех дел: квартиры, тачки, знакомства, тайники. Помнишь: два голанчика, спина к спине. Мы даже деньги держали в одной банковской ячейке... В общем, я подозревал, хотя и не верил, что он поднимет на меня руку. Но вышло то, что вышло. Я похоронил его в хорошем месте, прочитал кадиш, все как положено. Дело перешло ко мне – целиком, со всеми потрохами. Так я стал богачом...

– Мики... – простонала я. – Ты мог закончить прямо тогда. Никто не заставлял тебя продолжать эту работу. Тебе что – не хватало денег?

Мики покачал головой:

– При чем тут деньги? Того, что осталось от Атиаса, хватило бы на всю жизнь. Но мне запали в душу его слова насчет Бога. Насчет того, что Бог сам позаботится о том, кому куда. Если бы так... Понимаешь, Бетти, за несколько лет работы я перевидал столько человеческого хлама, столько гадостей, столько предательства и ненависти – на тысячу жизней хватит. Знала бы ты, как жены заказывают мужей, а мужья – жен. Видела бы, как сосед просит убрать соседа из-за спора, кому платить за забор между двумя газонами. Как убивают любовника, чтобы скандал не вышел на публику. Как братья грызут друг друга при разделе наследства... И еще сотни и сотни таких же случаев, схожих друг с другом, как две капли крови. Почему-то у доброты каждый раз другое лицо, его запоминаешь, отличаешь, помнишь. А вот подлость всегда одинакова, как штамповка... Нет никакой проблемы отличить одно от другого. Вот только Господь Бог, Адон Олам, этим вовсе не занимается. Его в принципе не интересуют ни праведники, ни подлецы. Первые сплошь и рядом расплачиваются за вторых, а те и в ус не дуют.

– И что ты решил?

Он встал и пошел за новой бутылкой. Я ждала. Голова кружилась от выпитого. Наверху идиотскими мультяшными голосами пел телевизор. Мики вернулся и налил в свой бокал.

– Тебе хватит.

– Почему это? – слабо запротестовала я.

– Потому что надо, чтоб ты поняла... Похоронив Атиаса, я вернулся в Страну. Клянусь тебе, у меня и в мыслях не было продолжать. Поселился в этом доме, подальше от шума. Хотел купить десяток лицензий на такси, нанять шоферов и жить спокойно. Хотел жениться и растить детей – сколько родится.

– И что ж тебе помешало?

– Не давали покоя эти мысли... Я представил себя на Его месте, на месте Создателя. Ведь нам говорят, что Он само совершенство, что Он не ошибается никогда. Что это значит? Что мир, который Он сотворил, не может быть неправильным. Что Он запустил эту махину, точно зная, как она будет работать. А коли так, то Ему просто незачем поминутно вмешиваться и следить за каждым муравьем. Понимаешь? Адон Олам направил наш мир ровно один раз, и этого хватает. Потому что если этого не хватает, то никакое Он не совершенство. Значит, все идет в точности по Его плану – в общем и целом... А коли Он не вмешивается, значит, мы предоставлены самим себе, и о нас не позаботится никто, кроме нас самих.

– Надо же, какое открытие... – фыркнула я. – Мне это известно с ясельного возраста.

– Подожди! – сердито проговорил Мики. – Дело не только в этом. Дело в том, что мы – не стиральные машины, которые работают по нажатию кнопки. Мы можем сами решать, включаться или нет. Мы сами выбираем между плохим и хорошим. И пока есть всякая сволочь, которая выбирает плохое, плохо будет всем – всему нашему муравейнику. Потому что Адон Олам не занимается каждым отдельным муравьем, не вытаскивает своим пинцетом подлецов, не защищает от них праведников. Значит, этим делом должен заняться кто-то другой. Кто-то другой должен заменить Бога.

– И этот кто-то – ты?

– А почему нет? Я умею это лучше других. Это моя единственная настоящая специальность. Я даже родился с фамилией Хитман. Это ли не указание? А песня?

– Какая песня, Мики...

– Как это какая? Песня моего однофамильца, которая так и называется – «Адон Олам»? По-твоему, это случайность?

Мики смотрел на меня своими круглыми глазами – глазами человека, всей душой уверенного в своей правоте. «Он просто сумасшедший, – подумала я. – Сумасшедший на всю голову наемный убийца. Ох, Батшева, Батшева... Почему на тебя все время клюют такие вот психи? Ну хоть бы разок попался кто-нибудь нормальный...»

– И я вернулся в бизнес, – сказал он. – Но уже не так, как раньше. Теперь я проверяю каждый случай. Изучаю обстановку, опрашиваю кого могу, составляю впечатление и только тогда выношу приговор. Я выполняю заказ только в тех случаях, когда объект действительно заслуживает смерти. Когда мир без него станет чище, ближе к плану Творца.

– А если нет? Возвращаешь деньги?

Мики усмехнулся.

– Конечно, нет. Если человека заказали понапрасну, то виновен не он. Тут очень просто: либо – либо. Есть заказчик и есть заказанный. Один из них непременно подлец и должен понести наказание.

– То есть ты убиваешь заказчика?

– Зачем? Для этого есть менты. Достаточно довести информацию о заказе до их сведения. Об остальном позаботится суд. В любом случае подлого муравья больше не будет в муравейнике. Адон Олам работает, в общем, по большому счету. Я дополняю его в частностях. Я хороший человек, Бетти...

Я повертела в руках пустой бокал.

– Тогда скажи, хороший человек: это ты завалил Мени Царфати?

– Какая разница? – неохотно вымолвил он. – Это что-то меняет? Ты же не станешь спорить, что папаша Арика был настоящим подонком... Я что – должен был ждать, пока он располосует в лоскуты обе твои щеки? Ты мне нужна, Бетти.

Нужна целой, с красивым лицом.

– Почему именно я?

– По многим причинам.

– Начинай перечислять. Время есть.

Он вздохнул.

– Одна из них: ты умная девочка. А коли так, то сама поймешь остальное...

Что ж, в этом Мики был прав на сто процентов. На его месте я тоже непременно выбрала бы такую Батшеву Царфати. Во-первых, девушка из Джей-Эф-Кей не станет говорить с ментами. Во-вторых, ей заказан путь в родной квартал, где ее винят в убийстве мужа. В-третьих, она нуждается в деньгах и в защите для себя и своего мальчика. В-четвертых, она повидала много чего и не станет бояться крови. В-пятых, ей есть что терять: малыш в таких случаях лучший заложник. В-шестых, женщина с ребенком – превосходное прикрытие. В-седьмых, она, мягко говоря, не обременена родственниками – а точнее, одна в целом свете. Как ни посмотри, настоящая находка...

Мики Шварц участливо смотрел на меня, без труда читая мои нехитрые мысли.

– Ну вот видишь, сама догадалась, – сказал он. – Кроме всего прочего, ты мне очень нравишься как жена. Разве нам плохо вместе? Разве мы с Ариком не подходим друг другу? Пацану нужен отец. Настоящий отец – не такой, каким был Мени.

– Отец... – повторила я. – Нужен отец, а не Бог, и, конечно, не убийца...

Мики прервал меня резким хлопком ладони по столу. Видно было, что я рассердила его не на шутку.

– Уж кто бы говорил! – гневно выпалил он. – Как будто это не ты угробила человека в тринадцать лет! Я в таком возрасте еще играл в пятнашки на кибуцном дворе. И после этого ты смеешь тыкать мне в лицо моей профессией!

Сама-то кто?!

Я захлебнулась от такого неожиданно сильного удара под дых. Откуда он знает?

– При чем тут это? Я защищалась... он был насильником, мерзавцем...

– А кого, по-твоему, убиваю я? – не уступал Мики. – Праведников? Святых? Я тоже защищаю! Причем не себя, а других, беззащитных. Иногда это точно такие же несчастные девчонки, какой была ты. В чем тогда разница? Скажи честно: разве ты не заказала бы своего фалафельщика, будь у тебя такая возможность? Разве ты не убила бы его сейчас?

Он немного подождал, но мне не хотелось отвечать. Я действительно убила бы фалафельщика еще раз – вернее, еще не раз и не два. По правде говоря, мне и в двадцать лет время от времени снилось, как я убиваю эту жирную гадину. Не случайно, как тогда, а намеренно и с наслаждением. Как я топчу его ногами, а потом беру Менину бритву и начинаю резать – только не щеки, а существенно ниже... Наверно, Мики прав: мы и в самом деле одного поля ягоды. Единожды убивший – убийца до смерти.

– Вот что, Бетти, – устало проговорил он. – Ты мне очень бы пригодилась. Я давно искал такую напарницу. Которая знала бы, что такое боль и унижение. Которой не все равно. Которая может отличить хорошее от дурного. Которая помогла бы мне в моем деле. Которая не отказалась бы стать Богом. Если ты согласна, скажи мне об этом. Не сейчас – утром, на трезвую голову. Если нет – не стану тебя удерживать. Можешь уйти хоть завтра. У меня достаточно гарантий, что ты не станешь болтать лишнее. Тебе ведь есть что терять, правда? Черт, как же я нагрузился с этими разговорами...

Мики тяжело поднялся с кресла и пошел наверх, в спальню. Я попробовала было что-то решить, но не смогла. Голова шла кругом, мысли разбегались, и я подумала, что самое время вспомнить о материнском долге. Ничто так не приводит нас в чувство, как собственные дети. Малыш по-прежнему сидел перед телевизором, хихикая и повизгивая в такт дебильным шуткам очередного клоуна-идиота. Включив режим непреклонного родительского авторитета, я оторвала Арика от экрана, и мы выбрались на улицу прогуляться.

С утра погода ничуть не ухудшилась. Детская площадка в поселке была под стать всему остальному – богатая на горки, стенки, качели и канатные паутины. Малыш тут же включился в игру, а я села на скамью поодаль от других мамаш и уставилась на открывавшийся оттуда бежево-коричневый вид. Пустыня похожа на море – такой же убаюкивающий штиль и такие же буйные завихрения в бурю. В голове мало-помалу просветлело, и я вдруг поняла, что мне хорошо – не так, как утром во время прогулки по набережной, но и немногим хуже. Видимо, это свидетельствовало о моей ужасающей бесчувственности: ведь между двумя этими «хорошо» находилось заказное убийство, совершенное на моих глазах и при моем участии, а затем и осознание того факта, что я живу с киллером-психопатом.

Получалось, что этот промежуток никак не повлиял на меня, хотя следовало бы ожидать, что я буду потрясена до глубины души. Оторвавшись от созерцания Негева, я еще раз внимательно взгляделась в собственную душу. Нет, там не наблюдалось никакого потрясения – ничего, кроме покоя и алкоголя. Неужели я тоже психопатка?.. Странно, но и это предположение не вызвало во мне никаких неприятных чувств. Подбежал Арик, вздохнул и сообщил о своей победе над земным притяжением и, крикнув: «Мама, смотри!» – умчался к новым завоеваниям.

«Если ты хочешь отказаться от всего этого, ты полная идиотка, – подумала я. – Кого вообще волнуют промежутки? Главное, что тебе было в кайф утром и в кайф сейчас, после полудня. Ты что, хочешь вернуться в Джей-Эф-Кей? Или, того пуще, в чернушную каморку в Южном Тель-Авиве? Вернуться в прежнее безденежье, к постоянному страху ограбления, изнасилования, увечья? Ты ведь не одна, на тебе Арик. Посмотри, как ему хорошо. Разве ты одна сможешь дать ему то, что он получает здесь, в Офере? Ага, как же... Ты можешь дать ему не больше, чем есть у тебя самой: бандитский район, наркоту и поножовщину на вонючих, заросших грязью улицах. И если ради твоего малыша надо убить еще сотню мерзких фалафельщиков, ты сделаешь это, не задумываясь. Ведь сделаешь, сделаешь?»

И еще раз всмотревшись в себя и трижды перепроверив результат, я твердо ответила: «Сделаю!» Видимо, я все-таки психопатка... Когда удлинившиеся тени прорезали лицо пустыни наподобие шрамов от бритвы моего покойного мужа Мени Царфати, игровая площадка стала быстро пустеть. Мамаша с детьми разошлись по домам, пришла пора уходить и нам с Ариком. Мы вернулись в свой дом. В свой дом, который не собирались уступать никакому мерзавцу, сколько

бы фалафелей тот ни вылеплял своими вонючими от горелого масла руками.

Мики еще спал. Я покормила и искупала малыша, прочла ему главу из книжки про слоненка, и он заснул с улыбкой на устах. Тогда я разделась и легла в кровать к Мики Шварцу, своему новому мужу.

- М-м-м, - промычал он сквозь сон. - Это ты, Бетти?

- Милый, - прошептала я ему на ухо. - Милый, ты научишь меня стрелять?

- Научу, научу... - пробормотал он и повернулся на другой бок. - Давай спать, девочка. Завтра поговорим.

3

Первый полностью самостоятельный заказ мне доверили лишь полтора года спустя. До этого Мики держал меня на коротком поводке. Учиться и в самом деле пришлось слишком многому. Сначала я наивно полагала, что главным будет умение нажимать на спусковой крючок, но, как выяснилось, работа Богом требует довольно серьезной подготовки. Чтобы решить кто прав, а кто виноват, нужно собрать уйму рассказов и сплетен, поговорить с разными людьми, залезть в дюжину компов и телефонов, ознакомиться с полицейскими протоколами и судебными делами, подышать одним воздухом с кандидатом в мертвецы, и лишь затем, отделив правду от лжи, принять решение, дозволенное только Господу: жить человеку или умереть. Неудивительно, что у самого Творца попросту не хватало ни времени, ни сил на бесчисленное множество подобных разбирательств.

Как истинный мастер своего дела, Мики не жалел денег на инструменты, причем главными в их наборе были вовсе не стволы, ножи, яды, взрывчатка и прочие орудия убийства, а хакерские программы, компьютеры, подслушивающие жучки, видеокамеры, микрофоны и надежные документы, подкрепленные тщательно разработанными легендами. Мы почти не брали заказов внутри Страны - работали преимущественно в Штатах и Канаде, да и там старались дважды не светиться в одних и тех же местах. Клиенты подбирались в Сети; не зря говорят,

что в интернете по нынешним временам можно найти все что угодно.

Самым урожайным в этом смысле я бы назвала сайт LFH с недвусмысленным заголовком «Looking For Hitman». С первого, да и со второго взгляда он казался просто шуточной площадкой, анонимные посетители которой в забавной или саркастической форме отводили душу, жалуясь на жен, мужей, любовников, коллег, конкурентов или иных сильно досадивших им людей. Подавляющее большинство жалобщиков и в самом деле не намеревалось переходить к практическим шагам по устранению источника своего раздражения – или пока не намеревалось. Но были и другие: во-первых, наши потенциальные клиенты, пришедшие на форум LFH в поисках реального хитмана, и, во-вторых, полицейские, вылавливающие как заказчиков, так и исполнителей.

Сайт пользовался неизменным успехом, и это понятно: он оправдывал себя с любой точки зрения. Полиция видела в нем неплохую «медовую ловушку», а созревшие клиенты и хитманы – относительно безопасный способ найти друг друга, не прибегая к личному знакомству и до определенного момента имея возможность сослаться на шуточный характер форума.

Первым делом Мики научил меня распознавать признаки, которые отличали клиента от мента под прикрытием. Это оказалось совсем нетрудно: на роли сетевых «актеров» в полиции обычно сажали неопытных практикантов или малооплачиваемых новичков, которые действовали по методичке и не обладали особой фантазией. Даже если им удавалось обмануть меня на первом этапе, они попадались затем в капкан собственной поспешности, слишком рано пускаясь на поиски моего сетевого адреса, что немедленно обнаруживалось программой слежения. Но и тот, кто проявлял необычно долгое охотничье терпение, не имел ни единого шанса просочиться сквозь частое сито проверки, которым я просеивала их легенды – слепленные, как правило, топорно, в расчете на дурачка.

О любом человеке можно многое понять по его странице в Фейсбуке или в другой социальной сети, где он ищет передышки, а то и спасения от жизненных проблем. Редко какой полицейский обладает талантом и воображением, которые позволяли бы правдоподобно изобразить повседневную рутину фиктивного клиента. Страницу недостаточно заполнить фотками кошек и умильными историями – в ней надо буквально прожить несколько лет. К тому же мы никогда не останавливались на соцсетях: Микины программы позволяли залезть в телефоны и на банковские счета и даже включить в неурочное время камеру

домашнего компьютера, чтобы с удобствами ознакомиться с деталями интерьера квартиры, где проживает объект нашего интереса.

Убедившись, что человек – именно тот, за кого себя выдает, мы входили в первый контакт – уже на уровне личной переписки. Мики говорил, что этот этап очень похож на рыбалку. Однажды он привез меня к кибуцному пруду с прибрежным рестораном, взял столик у кромки воды и прочитал целую лекцию на эту тему.

– Взгляни на этих парней с удочками, – сказал он. – Видишь, как пристально они смотрят на поплавок? Крупную рыбу можно различить по поклевке. Мелочь обычно голодна, ей надо расти и нагуливать жир, поэтому она бросается на приманку сразу, очертя голову. Но большой карп уже нагулял свое, ему некуда торопиться. Он и дожил-то до таких размеров благодаря повышенной осторожности. Для начала этот солидняк сделает несколько кругов вокруг крючка, присмотрится, решит, стоит ли пробовать. Затем подойдет поближе, хотя и тогда еще не станет разевать рот, а тронет червяка лбом или боком. Конечно, поплавок тут же шевельнется – это сигнал для рыбака. Сигнал к началу игры. Нужно показать рыбе, что перед нею живая бодрая жратва, стоящая усилий и риска, – показать, но и не спугнуть карпа излишней резкостью. Слегка подернуть, чуток потянуть – и снова замереть в ожидании. Рыба не сразу оценит происходящее, а возьмет перерыв на размышление. Сделает еще кружок-другой и только тогда приступит к делу. Вот поплавок повело в сторону... Как поступает рыбак?

– Надо тащить! – воскликнула я.

Мики рассмеялся:

– Ни в коем случае! Карп пробует наживку. Он взял ее самым краешком губ и потянул вбок. Если ты дернешь в этот момент, то просто вырвешь крючок у него изо рта и пиши пропало – рыбина сбежит без оглядки и больше не подойдет. Надо обязательно дождаться, пока поплавок нырнет. Это значит, что крючок во рту и можно подсекать. Обрати внимание на движение рыбака. Размашистое, резкое, сильное, оно называется подсечкой. Цель подсечки – пробить губу карпа, насадить его на крючок... Но и это еще не все: рыба начинает бороться. Ей уже не уйти без потерь, но лучше порвать губу, чем попасть на сковородку. Теперь начинается процесс вываживания. Не упирайся слишком сильно, дай карпу утомиться. Он еще никогда в жизни не встречался с такой бедой. Он испуган, он

страдает, он рвется и бьется, упирается всеми плавниками, работает хвостом. Ни в коем случае не ослабляй натяга, но уступай при особенно сильных рывках, которые могут порвать рыбе рот. Подтягивай, подтягивай... ближе, ближе... пока у бедняги не кончатся силы и он не перестанет бороться. Лишь тогда, подтянув карпа к берегу, можно заводить под него подсачник. Хоп! Готово! Запомнила?

- Запомнила, - кивнула я. - Игра, подсечка, вываживание...

Клиенты с сайта LFH действительно мало чем отличались от кибуцных карпов. Первые несколько месяцев я лишь наблюдала за рыбалкой, сидя рядом с Мики, затем практиковалась под его наблюдением, и только потом он стал время от времени доверять мне удочку. На первом, игровом этапе общение в частной переписке начиналось в том же тоне, какой был принят на публичном форуме: хиханьки да хаханьки, перемежаемые осторожными намеками. Клиент толкал наживку то лбом, то боком: «А что, если кто-то и в самом деле хочет избавиться от кое-кого? Не в реальности, боже упаси, а чисто гипотетически...»

В ответ мы слегка подтягивали леску: «Кстати, одна знакомая моего знакомого утверждает, что знает нужного человека, который помог другому знакомому. Шутит, наверно...» Клиент замолкал на день-другой, но затем обычно возвращался, как тот раззадоренный карп: «А нельзя ли получить координаты того человека или хотя бы того знакомого знакомой? Просто интересно, как это происходит. Сын шурина моей троюродной тети как раз пишет курсовую работу на эту тему в своем колледже...»

Что ж, отчего бы не помочь любознательному студенту? Игра продолжалась, но уже в другом месте. Мы сообщали клиенту, что «нужный человек» по понятным причинам остерегается популярных систем переписки, потому что они вскрываются легче, чем консервная банка. Если студент в самом деле хочет поговорить со специалистом, он должен зарегистрироваться там-то и там-то и сообщить свой адрес. С ним свяжутся. Почтительно выслушав, клиент регистрировался в системе с повышенной секретностью, а мы переходили к общению в стиле «нужного человека» - отрывистому и деловому.

Немного выждав, карп наконец открывал рот: «Сколько это обычно стоит?» Мы называли среднюю цену, и он уже пробовал наживку губами: «Где гарантия, что вы меня не разыгрываете? Не хочется вносить в курсовую непроверенные данные...» Понятно, что рыболов Мики был готов к такому вопросу заранее. Клиенту сообщалось, к примеру, о конкретной автомобильной аварии, в которой

погибла конкретная X, шантажировавшая конкретного Y с форума LFH: «Полиция списала это на неосторожное вождение, но на самом деле...»

Клиент брал паузу и старательно проверял наживку. Он и в самом деле помнил, как Y жаловался на шантаж. Жаловался, жаловался, а потом вдруг перестал. Об аварии тоже писалось в местной газете, и в ней действительно погибла некая X. На деле мы с Мики не имели к этому несчастью никакого отношения, но отчего-то подобные байки действовали на карпов практически безотказно. Когда рыбина всерьез нацелилась на червяка, ее нетрудно убедить в чем угодно. После некоторого раздумья клиент переходил от намеков к делу: «Одному моему родственнику нужно избавиться от соседа. Можете помочь?»

Подсечка! Карп садился на крючок, и игра переходила в стадию вываживания. «Сначала аванс, потом конкретика, – в том же отрывистом деловом стиле отвечал Мики. – Встреч не будет. Общение только здесь. Оплата биткойнами». Испуганный быстротой подсечки, клиент обычно не торговался, и на наш счет с виртуальным, но очень приятным звоном ссыпалась первая порция золотого дождя. За нею следовали данные заказа: имя, адрес, фотографии. С учетом этого клиенту сообщалась окончательная цена, которую он должен был внести сразу, до исполнения. В этот момент случалось, что уже вытащенный на берег карп начинал трепыхаться и требовать обратного порядка действий: сначала «помощь», потом оплата. Но кто станет слушать пойманную рыбу? Аванс оставался у нас при любом раскладе.

– Все, Бетти, рыбалка закончена, – говорил Мики. – Начинается Божья работа: кому жить, а кому умирать...

К этому времени мы уже держали в руках довольно много сведений о заказчике – все то, что удавалось собрать на предыдущих этапах из сетевых форумов, телефонов, банковского счета и прочих источников, включая полицейские записи, судебные разбирательства и отчеты социальных служб. Казалось бы, этого вполне хватает, чтобы принять решение кто прав, кто виноват. Но Мики даже в самых очевидных случаях настаивал на личном знакомстве с заказчиком и с объектом, хотя, как правило, встречи с ними лишь подтверждали наши первоначальные выводы.

– Бог на то и Бог, чтобы не совершать ошибок, – говорил он. – Если мы будем ошибаться, то превратимся в обычных убийц. Ты повидала в жизни достаточно, чтобы хорошо отличать невинного от подонка, правду от вранья. Значит, тебе и

решать. Иди и говори с ними.

В этом и заключались мои обязанности: идти и говорить. На курок в итоге нажимал только Мики. Я попробовала было протестовать: некоторые типы так напоминали фалафельщика или Мени Царфати, что у меня просто руки чесались отправить их на тот свет. Но Мики всякий раз отказывал, говоря, что моя нагрузка и без того тяжела. Так оно и было: вряд ли кому-либо приходилось сталкиваться с таким количеством человеческой грязи, с таким объемом подлости и предательств, с такой клоакой злобы и зависти. Люди обращаются к наемному убийце либо от мерзкой черноты собственной души, либо доведенные до отчаяния чьей-то чужой мерзостью. В обоих случаях это крайняя степень отвращения, последний человеческий предел...

Я подходила к ним в барах и в залах ожидания, на детской площадке и у кассы супермаркета, звонила в двери их домов, записывалась на прием у их секретарш, «случайно» сталкивалась с ними на улице, «оказывалась» в соседнем самолетном кресле и в купе пассажирского поезда. Знакомясь, я представлялась иностранной студенткой, беспаспортной беженкой, любопытствующей туристкой, судомойкой без разрешения на работу, санитаркой из дома престарелых, газетным репортером и даже писательницей, собирающей материал для будущей книги. Мой небогатый английский лишь на первый взгляд был препятствием к общению: на деле человеку намного легче говорить как раз с теми, кто заведомо уступает ему в чем-то.

Как правило, погрязшие в беде люди рады открыть душу любому случайному чурбану – но лишь при двух неперемных условиях. Во-первых, они должны быть более-менее уверены, что чурбан тут же не покатится на площадь трубить на весь мир об услышанных секретах. Во-вторых, необходимо, чтобы их встреча выглядела одноразовой: встретились, выговорились и разбежались в разные стороны, раз и навсегда – как тот греческий царь, который поведал свою тайну специально вырытой ямке. Устроил себе ямку, рассказал ей все, что просилось наружу, забросал землей, хорошенько утоптал, придавил для верности камнем и ушел с твердым намерением никогда больше не возвращаться в это место.

И точно так же, как царь копал и закапывал не во дворе своего дома, а на дальнем берегу дальнего берега дальней реки, и мои собеседники остро нуждались именно в проезжем, чужом, туго соображающем, не слишком понимающем их речь слушателе, который уже завтра, выкинув из головы случайный разговор, исчезнет из поля зрения, улетит в свои дальние дали.

– Ты идеально подходишь для этой роли, – говорил Мики. – Молодая красивая чужестранка, глуповатая на вид и готовая, особо не вникая, выслушать любую исповедь. Никто не видит в тебе угрозу даже самые упертые параноики. В крайнем случае твои собеседники всегда могут утверждать, что ты неправильно поняла их из-за незнания языка...

– Глуповатая на вид? Ну спасибо...

Он смеялся:

– Чем глупее ты будешь хлопать глазами, тем лучше. Умники опасны, перед ними не раскрывают душу. Зато с дурачками можно ни о чем не беспокоиться. И еще: подпускай побольше страдания. Они ведь там молятся на страдальцев и мучеников. У них и Бог такой – страдающий. Красивый, страдающий и прощающий. Типа, страдание все искупает. Очень удобно: тот, кто страдал, может потом получить прощение за любые пакости. Вот и ты изображай страдальцу...

– Мне для этого притворяться не надо.

– Тем более! – восклицал Мики. – Тем более! Пусть видят в тебе своего Джизуса. Не позволяй им догадываться, что перед ними совсем другой Бог...

– Другой – это беспощадный?

– Другой – это с весами и со скребком. С весами, чтобы хорошенько все взвесить, и со скребком, чтобы счистить со своего благого мира приставшие к нему нечистоты. Грязь не подлежит прощению, Бетти. Грязь подлежит уборке.

Нужно сказать, что в результате произведенного нами «взвешивания» грязью обычно оказывались заказчики, а не заказанные. В таких случаях мы красиво упаковывали улики и анонимно пересылали их в полицию. Там, как правило, наши клиенты раскалывались на первом же допросе и получали по заслугам. Но время от времени приходилось заниматься уборкой мусора и нам самим. Я не испытывала по этому поводу никаких угрызений совести – напротив, всегда приятно сознавать, что мир стал чище благодаря твоей работе.

Мой Бог родился в квартале Джей-Эф-Кей, где не приживались ни жалость, ни прощение. Он точно знал цену любому страданию и умел отличать глупость от злого умысла. А еще Он знал, что боль никогда не бывает красивой или полезной. Боль отвратительна и нестерпима, а страдание не учит добру и уж тем более не очищает душу, но лишь умножает грязь. Бог из квартала Джесси Каган видывал виды, привык платить по счетам и ничем не напоминал крестного страдальца Джизуса, оптом и в розницу отпускающего грехи вонючим фалафельщикам.

Первое самостоятельное задание для Бога из Джей-ЭфКей выглядело совершенно очевидным. Наверно, именно поэтому Мики согласился доверить его мне от начала до конца – за исключением самого последнего этапа. Это исключение немало взбесило меня – настолько, что мы чуть не поссорились. Я хотела своими руками пристрелить козла, который безнаказанно издевался над несчастной женщиной – точь-в-точь как покойный Мени Царфати надо мной.

– Не сейчас, девочка, – отрицательно качал головой Мики. – Ты еще не готова. Да и зачем тебе это? Дело Бога – вынести приговор, остальное уже мелочи. И в этих мелочах я намного опытней...

Я запальчиво возражала:

– Если уж говорить про опыт, то я убила своего первого мерзавца в тринадцать лет! Дай мне отработать это дело целиком, полностью.

После долгих споров он согласился на временный компромисс:

– Ладно, Бетти. Перенесем обсуждение этого вопроса на потом. Еще неизвестно, придется ли его наказывать, этого козла. Больно ты кровожадна, милая...

– Где родилась, там и научилась, – хмыкнула я. – А насчет козла не сомневайся. Судя по материалу, он вылитый Мени Царфати. Должна же я когда-то почувствовать, что отплатила своему бывшему за все хорошее? Почувствовать хоть так, если уж кое-кто отнял у меня возможность поквитаться с самим Мени...

Собранные мною материалы действительно не оставляли повода для сомнений. Подонок избивал и насиловал жену на глазах их единственной дочери и при полном попустительстве местной полиции, где сам же и служил. Неудивительно,

что доведенная до отчаяния женщина поделилась своим несчастьем с виртуальными подругами на форуме LFH. Там-то я и выудила ее по всем правилам Микиной рыбалки. Бедняжку звали Лотта Вотерс, а жила она в пригороде Сиэтла – если, конечно, этот непрекращающийся кошмар можно было назвать жизнью.

Мое расследование облегчалось тем, что одна из жалоб Лотты дошла-таки до суда и таким образом попала в газеты. Конечно, я не ограничилась статейками репортеров и докопалась до протоколов судебных заседаний с показаниями дюжины свидетельниц и соседей. Картина вырисовывалась поистине устрашающая, хотя все улики против мерзавца были из категории косвенных. Поэтому судья ограничился лишь выговором в адрес местного шерифа, который продолжал покрывать Вотерса, и запретом для последнего приближаться к Лотте, ее дому и рабочему офису.

К ужасу бедняжки, это не только не помогло, но и еще больше усугубило ее отчаянное положение. Теперь она жила в постоянном страхе. Бывший муж мог напасть в любом месте и в любое время дня и ночи. Опытный коп, он умел вскрывать замки, уничтожать улики и не оставлять следов. В результате Лотта чувствовала себя абсолютно беззащитной. Она наверняка давно покончила бы с собой, если бы не мысли о дочери. Физическое устранение мерзавца и впрямь казалось единственно возможным выходом из тупика.

В принципе, этого было более чем достаточно для однозначного приговора, но Божественные правила Мики Шварца требовали еще и обязательного личного знакомства с обеими сторонами. Обычно мы всюду ездили втроем или вдвоем, поручая малыша надежной няне или моей тете Мали, но в тот раз я настояла, чтобы Мики остался дома. Мне хотелось полной самостоятельности, без намека на чью-либо опеку. Бога не опекают, особенно Бога из Джей-Эф-Кей.

Прилетев в Сиэтл, я бросила сумку в отеле и отправилась на встречу с Лоттой в ее городском офисе. Судя по собранным мною данным, она работала в некоммерческой феминистской организации, которая заботилась о жертвах семейного насилия.

Интернетовский сайт этой благородной конторы выглядел странновато: многие слова были незнакомы не только мне, но и словарю Вебстера, а общий тон казался слишком воинственным, чтоб не сказать агрессивным. Впрочем, последнее легко объяснялось спецификой работы Лотты и ее коллег:

попробуйте-ка сохранить душевное равновесие, когда приходится ежедневно сталкиваться с подонками типа Вотерса. Записываясь на прием, я отрекомендовалась израильской блогершей, активисткой феминистского движения, заинтересованной в обмене опытом по личному вопросу.

Офис организации занимал целое крыло на шестнадцатом этаже небоскреба и напоминал штаб армейского корпуса в разгар военной операции. По разгороженному на клетушки открытому пространству сновали десятки женщин с сосредоточенными лицами. Похоже, никто здесь не перемещался впустую. Каждая сотрудница тащила в руках, под мышкой или на плече что-либо: стопку бумаг, брошюры, папки, рулоны или просто документ на одном листке. Добежав до целевого кубикла, они передавали свою ношу сидящей там коллеге, после чего обе замирали, уставившись в экран монитора, чтобы затем, вскочив, схватить со стола что-то еще более важное и снова устремиться в полет.

Какое-то время я пребывала в растерянности, потому что изначально ожидала увидеть нечто совсем иное, типа захламленной квартирки из двух комнат с тремя несчастными, неряшливо одетыми тетками. Примерно так и выглядели офисы соцработников в квартале Джесси Каган. Но здесь, в богатой Америке, феминистская работа была явно поставлена на куда более широкую ногу. Оправившись от шока, я ухватила за рукав одну из пробежавших мимо.

– Извините...

– Да-а-а? – басисто протянула она, и я вдруг поняла, что говорю не совсем с женщиной, но и, видимо, совсем не с мужчиной.

– Мне назначено... – пролепетала я. – У меня встреча...

– Да-а-а? – с оттенком нетерпения повторило оно. – Встреча? С кем?

– Миссис Лотта Вотерс. Могу ли я поговорить с миссис Вотерс?

Сотруднице презрительно фыркнуло:

– У нас таких нет, милочка. Здесь нет ни одной миссис, мисс, госпожи, фрау, мадам, фрейлен, фрекен... – оно на секунду запнулось, но тут же, вспомнив

забытое, облегченно добавило: – ...и мадемуазель. Тут только камрадки и камрады. Если ты хочешь поговорить с камрадкой Лоттой, то она сидит во-он там, в угловом аквариуме...

Угловой кабинет и в самом деле напоминал аквариум: стены его просвечивали насквозь, вплоть до хмурой панорамы Сиэтла. В промежутке виднелась черноволосая голова заказчицы – подойдя поближе, я узнала ее по фотографиям. Сбоку от стеклянной двери была прикреплена табличка с надписью «Директриса». Я растянула губы в глупой улыбке и постучала.

– Войдите!

Вблизи Лотта выглядела старше и суше, чем на снимках. Черный щегольской пиджак, черная блуза, конский хвост иссиня-черных волос, густые черные брови и черные выпуклые глаза... – на этом одноцветном фоне еще больше выделялась бледность лба, щек и тонких ненакрашенных губ. Наверно, стесняясь этого, директриса постоянно выкатывала глаза, словно пытаюсь компенсировать неуместный избыток белизны яростной чернотой зрачков. Я назвала себя.

– Ах да, помню, ты из Палестины... – кивнула она. – Честно говоря, это не лучшая рекомендация.

Я протестующе взмахнула ресницами:

– Мы тоже осуждаем оккупацию, госпожа...

– Зови меня камрадка!

– ...камрадка Лотта, – послушно поправилась я. – Мы полностью разделяем, и вообще. Простите мне мой английский.

– Ничего, – Лотта милостиво выкатила глаза, что, видимо, означало готовность к сближению. – Если честно, мы немного завидуем вашей палестинской словейке.

– Завидуете? Почему? – мне показалось правильным сначала понять причины зависти, а уже потом выяснить, что такое «палестинская словейка».

– Ах, камрадка, английская словейка настолько несовершенна... – директриса сокрушенно вздохнула. – Глаголки у нас не различают между вагинатками и безвагонами, а это ужасно несправедливо. Не то, что у вас. Но мы работаем, не отчаиваемся. Великие перемены начинаются с малого. Исправление жизни надо начинать с исправления словейки.

На этот раз я не смогла скрыть искреннего недоумения. «Безвагоны» еще как-то умещались в моем воображении: что-то железнодорожное, грузовое или даже пассажирское. Если есть безбилетники, то, наверно, могут быть и безвагонники. Но что такое вагоноватки? Вагоны, обитые ватой? Типа спальных, только еще удобней?

– Извините, камрадка Лотта... Ваго... что?

– Вагинатки, – бодро пояснила директриса. – Обладательницы вагины. Так мы называем тех, кого шовинисты именуют «женщинами». Ну а сами шовинисты теперь зовутся «безвагонами», поскольку начисто лишены вагин. Видите, как это важно: из языка тут же исчезает его прежняя шовинистическая мужецентричность. Особое внимание нужно уделять школам и университетам, студенткам и студентам, ученицам и ученикам, учителям и учительницам, директорам и...

– ...директрисам, – подхватила я. – Вы совершенно правы, камрадка Лотта. Не думайте, что мы в Израиле...

– ...в Палестине! – перебила она.

– Да-да, в Палестине... Не думайте, что мы в Палестине сильно отстаем от общей борьбы. Наши демонстрации собирают тысячи участников, работа...

– ...и участниц! – снова вмешалась Лотта.

– А я что сказала?

– Ты сказала «участников», – укоризненно произнесла она, выпучив глаза так, что те едва не выпали на стол. – «Участников», без «участниц». Это непозволительная ошибка. Напомни, как тебя зовут...

– Рита... Рита Мизрахи...

– Надо быть внимательней, Рита. Исправление жизнюки...

– ...начинается с исправления языка, – поспешно закончила я.

Директриса жахнула кулаком по столу.

– Словейки! – выкрикнула она. – Словейки, а не «языка»! «Язык» – старое, мужецентричное слово. Неужели так трудно запомнить?!

– Простите, камрадка Лотта, – поникнув повинной головой, пролепетала я. – Сами видите: моя английская словейка не очень хороша. Я родилась в таком районе... пардон, в такой районке, где дети растут на улице. Я жертва насилия – сначала в семье, потом от мужа...

Директриса протестующе взмахнула своим черным конским хвостом.

– Нет такого слова – «муж»! Надо говорить: «безвагинопартнер»! Странно, что у вас в Палестине...

– У нас говорят на другой словейке, камрадка Лотта... – взмолилась я. – Пожалуйста, войдите в мое положение. Я ведь пришла к вам за помощью. За защитой от моего бензавоз... безвагин... безвагоновожатого. Женщ... пардон, вагонетки должны помогать дружка подружке.

– Вагинетки, безвагинопартнеры... – уже куда более снисходительно поправила Лотта. – Хорошо. Напомни свое имя...

– Рита.

– Хорошо, Рита... – она потерла ладонью лоб. – Мы и в самом деле должны быть заодно что здесь, что в Палестине. Расскажи о своей трагедии.

История моих страданий, хотя и варьировалась от клиента к клиенту, но, в общем и целом, сохраняла главный сюжет: раннее сиротство, насилие в приемной семье, муж-наркоман, избиения и отчаяние. Когда мы составляли и

репетировали этот рассказ вместе с Мики, я испытывала понятные сомнения, потому что легенда была слишком близка к реальности.

Мне казалось, что будет мучительно раз за разом вспоминать свое гадостное прошлое. Мики придерживался прямо противоположного мнения: чем чаще говоришь о случившемся с тобой ужасе, тем больше отдаляешь его от себя.

Так оно в итоге и произошло: фалафельщик и Мени Царфати с течением времени превратились в слова, в рассказ, написанный кем-то другим и о ком-то другом. Выступая перед тем или иным клиентом, я чувствовала себя актрисой, которая играет роль в театральной пьесе – весьма правдоподобной, но не имеющей отношения к ней самой. Возможно, это сказывалось на качестве представления, но я старалась компенсировать снижение уровня искренности растущим профессионализмом. В нужных местах мои глаза по-прежнему источали слезы, губы дрожали, а нос хлюпал, в то время как голова сохраняла спокойствие, ясность и наблюдательность.

Лотта слушала, сочувственно вздыхая, кивая и отвлекаясь лишь на то, чтобы снова и снова поправлять меня в духе новой вагонно-вагинной лексики. Я рассыпалась в извинениях, ссылаясь на недостаточное знание языка – вернее, «словейки» – и продолжала изливать душу, одновременно стараясь осознать природу нарастающего во мне ощущения фальши. Сначала, по вечной привычке обвинять во всем саму себя, я заподозрила, что играю недостаточно хорошо, но потом, присмотревшись к директрисе, поняла, что дело не во мне, а в ней.

Фальшивило не мое представление, а ее сочувствие! По-настоящему сопереживающая женщина – вернее, «вагинетка» – не станет украдкой посматривать на часы в разгар рассказа о том, как обдолбанный муж – вернее, «вагиновожатый» или как его там – выламывает дверь в ванную, где заперлась дрожащая от страха жертва насилия. Лотте попросту было скучно слушать эту историю. Скучно! Вообще говоря, такого рода скука мало о чем говорит – особенно если работаешь в таком месте, где тебе приходится выслушивать подобные излияния по несколько раз в день. Тут уж поневоле обростешь носорожьей кожей – будь ты хоть вагонетка, хоть вагон, хоть маленькая тележка. Но только не в том случае, когда ты прошла через это сама!

Только не в том случае, когда ты сама, собственной персоной, сидела, сжавшись в комок, между раковиной и унитазом, а над тобой нависал брызжущий матом и угрозами подонок – нависал, чтобы, ухватившись за волосы, выволочь наружу и

обработать ногами в грудь и в живот, обещая убить если не прямо сейчас, то в следующий раз. Когда ты сама прошла через это хотя бы однажды, тебе не будет скучно слушать аналогичную историю от другой женщины, даже если ты зовешь ее «вагонеткой». В твоих глазах непременно будет видна тень пережитого кошмара – твоего личного, унижительного, отвратительного и незабываемого. А уж коли нет такой тени, значит...

– Какой ужас, – сказала она. – Сколько тебе пришлось пережить... Но, знаешь, Лиза, это удел многих вагинеток. Поэтому наша борьба настолько важна. Ты, конечно, обращалась в судейку?

– Вообще-то меня зовут Рита, – я всхлипнула и утерла слезу. – «Судейка» – это по-старому «суд»? Если так, то напрямую у нас это невозможно. Сначала надо пройти через полицию. А полиция...

Выпученные буркала директрисы загорелись багровым огнем, и мне пришло в голову, что, выкатись они на стол прямо сейчас, мы могли бы сыграть в снукер.

– Полиция! – фыркнула она с выражением безграничного презрения. – Вот уж об этом можешь мне не рассказывать! Вот уж это я знаю во всех деталях! В полиции служат только поганые шовинисты. У них там гнездо! Мерзкое гнездо! Безвагинно-антивагинное гнездо! Нет-нет, полиция не поможет...

Лотта гневно перекатила шары в сторону стеклянной стены; ее пальцы выбили боевую барабанную дробь, и город внизу замер в боязливом ожидании. Вот это возмущение было действительно реальным, неподдельным. Я вздохнула и сцепила руки жестом полнейшего отчаяния.

– Что же делать, камрадка Лотта? Неужели даже вы не можете помочь? Куда же теперь идти? В петлю?

– В петлю? – повторила она. – Что за глупости? Ни в коем случае! Надо действовать! И не через судейку... Судейка, хотя и на нашей стороне, но ужасно неповоротлива. Пока твоего безвагинопартнера посадят, он двадцать раз успеет вогнать тебя в гроб. Нужно убрать его другим способом. Совсем другим. Надеюсь, ты меня понимаешь...

Я прибавила лицу выражение невинной тупости и для верности глуповато похлопала глазами.

– Вообще-то, камрадка Лотта, нет, не понимаю. Простите мою непонятливость. Знаете, долгий перелет, джетлаг, трудности с язы... тьфу ты!.. – со словейкой...

Директриса ощупала меня взглядом, явно оценивая, не записываю ли я разговор, и, взяв листок для заметок, написала одну короткую строку – интернетовский адрес сайта «Looking For Hitman».

– Вот, – сказала она, издали показывая мне написанное, но не давая листок в руки, – есть один такой шуточный сайт. Шутки-шутками, но иногда там можно найти полезный совет. Рекомендую.

Я близоруко сощурилась.

– Можно? У меня ужасная память...

– Нет-нет, придется запомнить, – директриса скомкала листочек и уже в открытую взглянула на часы. – Желаю удачи. И на прощанье... было бы очень кстати, если бы ты выразила свою благодарность в виде пожертвования на нужды организации. Защита от насилия обходится недешево...

Она сунула мне бланк своей конторы и выпроводила из аквариума. Пока я плыла к лифту, меня успели нагрузить еще несколькими проспектами и брошюрками. Первым побуждением было выбросить их прямо в вестибюле здания, но я сочла, что не стоит проявлять столь явное неуважение к офису камрадки Лотты: те, у кого хватало денег на съем такого помещения, могли себе позволить проследить за посетительницей вплоть до такси, если не дальше.

По дороге в гостиницу я подвела итоги своего визита. Что и говорить, у меня сильно поубавилось уверенности в справедливости заказа. Вблизи Лотта Вотерс совсем не выглядела жертвой. Скорее, напротив: вела себя напористо, по-хозяйски. Директор такой крупной конторы наверняка располагает серьезными связями и спонсорами. Да и равнодушные, с которым она слушала мой рассказ, могло свидетельствовать об отсутствии собственного печального опыта.

Но я ведь тоже могла ошибиться! Возможно, таков ее способ защиты от тяжелой душевной травмы, и то, что я приняла за скуку, на самом деле – броня, за которой кроется раненое кровоточащее сердце, а ее начальственный гонор – всего лишь реакция психики на пережитые часы беззащитности и унижения. Разве высокая должность и удачная карьера когда-либо спасали женщину от домашнего монстра? В закуток между унитазом и раковиной можно с равным успехом втоптать и домохозяйку, и главу совета директоров. Нет-нет, я ни в коем случае не спешила отказаться от первоначальных выводов. И все же, все же...

В номере я открыла комп, еще разок прошлась по газетным статьям и протоколам и, не обнаружив там ничего нового, позвонила Мики. Мы связывались через Сеть, по хорошо защищенной системе. В Стране было шесть утра, я услышала его хриплый со сна голос и с удивлением поняла, что соскучилась.

– Что случилось, Бетти?

– Не пугайся, все в порядке. Просто решила проверить, один ли ты в нашей постели. Ну-ка, поводи камерой...

Он рассмеялся.

– Серьезно, как дела?

– Да вот, возникли сомнения...

Я коротко изложила ему свои впечатления. Мики почесал в затылке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/tarn_aleks/devushka-iz-jfk

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)